

ВИКТОР СТАРИЦЫН
БЛИЦКРИГ^с - КАПУТ

Виктор Старицын

Блицкриг - капут

«Автор»

2024

Старицын В.

Блицкриг - капут / В. Старицын — «Автор», 2024

Книга «Блицкриг-капут» является второй книгой трилогии «Боевой 41-й год». Трилогия написана в жанре альтернативной военной истории и представляет собой военно - исторический анализ вероятного хода боевых действий в Великой Отечественной войне в 1941 году при условии, что руководство СССР ожидало нападения Германии и готовилось к его отражению. В основу плана войны с Германией была положена концепция глубоко эшелонированной позиционной обороны. Предвоенный период описан в первой книге трилогии «Если завтра война». В книге «Блицкриг-капут» описаны первые четыре недели боевых действий начиная с 22 июня 1941 года. В укрепленном предполье главного оборонительного рубежа, проходящего по «линии Сталина», Вермахт был задержан на две недели, необходимых СССР для проведения мобилизации. Книга вышла на бумаге в издательстве АСТ

© Старицын В., 2024

© Автор, 2024

Виктор Старицын

Блицкриг - капут

Введение.

После подписания пакта о ненападении с Германией (см. Википедия. Пакт Молотова – Риббентропа), последующего нападения Германии на Польшу и объявления Францией и Англией войны Германии, Генеральный секретарь Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) Иосиф Виссарионович Сталин совершенно перестал опасаться нападения Германии на СССР. Пакт был выгоден обеим сторонам.

Из его собственного геополитического анализа следовало, что Гитлер ни за что не рискнет воевать на два фронта, то есть, не завершив войну с Францией и Англией, на СССР он не нападет. Под таким выводом имелись более чем веские основания. Все немецкие военные теоретики в один голос категорически не рекомендовали воевать на два фронта. Кроме того, Германия в соответствии с пактом получала от СССР на взаимовыгодной основе важнейшие виды сырья и продовольствия.

Германия обезопасила себя с востока, а СССР получил возможность подгрести под себя бывшие территории Российской империи: Бессарабию, западную Украину и западную Белоруссию, Эстонию и Латвию, отколовшиеся от империи после Гражданской войны.

В реальной истории после Польского похода Красной армии (см. Википедия. Польский поход Красной армии (1939)), Сталин переориентировал советскую военную доктрину на наступательную войну. Он планировал к середине 1942 года в спокойной обстановке перевооружить Красную армию и флот новейшим наступательным оружием, дожидаться, пока Германия увязнет в войне с Францией и Англией, и ударить, предположительно в 1942 году, в спину немцам. Оборонительные мероприятия в СССР были резко сокращены.

Даже быстрый разгром Франции в 1940 году не разубедил Сталина. Он продолжал ждать вторжения немцев на Британские острова и готовил свою армию к нападению. Однако, Гитлер перехитрил Сталина. Нападение Германии застало СССР врасплох и привело к катастрофическим последствиям.

В разрабатываемой альтернативной реальности в ночь на 1 октября 1939 года Сталину приснились кошмарные сны, в которых его мучили немецкие фашисты. Обдумав это из ряда вон выходящее событие, Сталин сделал вывод, что подсознание предупреждает его, что он рано сбросил со счетов возможность нападения Германии на СССР. Сталин снова вернулся к оборонительной военной стратегии и довел свою обеспокоенность до руководящей верхушки СССР.

Руководство ВКП(б), Совнаркома и РККА осознало грозящую опасность и деятельно готовилось к отражению агрессии. Все программы производства наступательных вооружений были сокращены в пользу оборонительного оружия. Структура, стратегия и тактика вооруженных сил были пересмотрены под решение задачи стратегической обороны.

В альтернативной реальности диктаторы психологически «поменялись местами». В нашей реальности Сталин всецело доверял своему геополитическому анализу и с порога отметал все противоречащие ему факты.

В реальности «Боевого 41 года» в «страусиной» позиции оказывается Гитлер. Он игнорирует все факты, не укладывающиеся в его концепцию, и категорически настаивает на выполнении плана «Барбаросса» без каких либо поправок.

Опасаясь агрессии Германии, Сталин прислушался к мнению Шапошникова, Тимошенко, Жукова и положил в основу своей стратегии на дебютный период войны план глубоко эшелонированной позиционной обороны. За 1940-й и половину 1941-го года была создана стратегическая оборонительная позиция из трех укрепленных рубежей и полосы укрепленного предполья общей глубиной от 250 км на южном фланге в Причерноморье до 450 км на северном фланге в Прибалтике.

Все соединения предполья, передового и главного рубежей были полностью укомплектованы личным составом и вооружениями. На передовом рубеже и в предполье главного рубежа подготовлены основательные полевые укрепления. Главный рубеж, опирающийся на старую «линию Сталина», насыщен долговременными бетонными сооружениями с артиллерийским вооружением.

На тыловом рубеже созданы запасы вооружения, боеприпасов, ГСМ, снаряжения, продовольствия и фуража, а также кадровое ядро соединений и частей для формирования войск второго эшелона по мобилизационному плану, общей численностью почти такой же, как и войска первого эшелона. Заранее подготовлены полевые укрепления для формируемых войск.

По совету военных специалистов, Сталин провел модернизацию имеющегося парка танков и самолетов, пойдя ради этого, даже на значительное сокращение производства новой техники.

Оборонные заводы были заблаговременно переведены на работу в режиме военного времени. К работе на заводах привлечены заключенные, имеющие рабочие специальности. К производству вооружения и боеприпасов заранее подключились гражданские заводы, согласно мобилизационного плана.

Штатная структура стрелковых соединений была оптимизирована под задачу позиционной обороны, а танковых и мотострелковых – под задачу маневренной обороны.

ВКП(б) провела ряд мероприятий, направленных на улучшение положения колхозного крестьянства с целью снижения социальной напряженности в деревне.

Власти резко ослабили размах репрессий, провели широкую амнистию, а также пересмотр дел с целью сокращения сроков заключения и облегчения мер пресечения для заключенных по политическим статьям.

Благодаря возвращению к работе большого количества ученых и специалистов удалось наладить производство целого ряда перспективных систем оружия и насытить ими армию. Это, прежде всего ПТР, зенитные автоматы, САУ и ЗСУ, тягачи на базе устаревших танков, бронетранспортеры, самолеты – штурмовики, системы залпового огня, автоматические гранатометы, пистолет-пулеметы.

Помимо возвращения на службу репрессированных военных, для скорейшей ликвидации кадрового голода в РККА были приняты экстренные меры по подготовке большого количества командиров. Выпуск командирских училищ резко увеличили за счет набора на обучение по сокращенной программе красноармейцев, отслуживших срочную службу в рядах Красной Армии и обнаруживших склонность к военной службе, на основании рекомендаций командиров частей.

Одним словом, СССР подготовился к войне, насколько это было возможно.

Все вышеперечисленное описано в первой книге трилогии "Если завтра война".

0.1. 21 июня 1941 года. Совецание у Сталина.

21 июня, в субботу Сталин изменил своему обыкновению начинать рабочий день тогда, когда обычные люди обедают. Тимошенко, Жуков, Молотов, Берия, Орлов, Шапошников получили вызов к Вождю на 9 часов утра. Тема сбора заранее не сообщалась, но все приглашенные и так понимали, о чем пойдет речь.

Орлов сразу же доложил последние новости с границы. По сообщениям пограничников, войска противника выдвинулись к границе и снимают заграждения. За вчерашний день зафиксировано 60 нарушений границы немецкими самолетами. Немецкий перебежчик сообщил, что нападение начнется 22 июня на рассвете.

Молотов сообщил, что в немецком посольстве интенсивно жгут бумаги. По дипломатическим каналам поступили донесения, что немцы нападут завтра в 3 часа утра. Немецкие суда выходят из всех наших портов, не завершив погрузку и выгрузку (см. (5) стр. 198, 199, (8) стр. 18, (23) стр. 56, 156, (26) стр. 459, 460).

Тимошенко заявил, что больше ждать нельзя, нужно приводить войска в полную боевую готовность.

Сталин оглядел присутствующих, задержав взгляд на Жукове.

–Ну что же, товарищ Жуков, вот и пришло время оправдать доверие, которое Вам оказано. Для нас всех наступил момент истины. Товарищ Тимошенко, готовьте прямо здесь директиву, я ее подпишу.

Тимошенко после минутного раздумья быстро написал на листе одну фразу.

«Ввиду возможности нападения немецких войск на СССР в ночь на 22 июня 1941 года, с 16 часов 00 минут 21 июня привести войска западных округов, ВВС, ПВО и ВМФ в полную боевую готовность, вскрыть пакеты с планом боевых действий.»*

Сталин взял лист в руки, долго смотрел на него, затем размашисто подписал и вернул Тимошенко. Поднявшись из-за стола, он еще раз пристально оглядел всех присутствующих, и сказал:

–Действуйте, товарищи военные, теперь все в ваших руках.

Примечание. В текущей реальности директива была подписана 21 июня в 22 часа 20 минут. Из-за большой длины ее текста и необходимости шифровки – дешифровки, она была отправлена в военные округа только в первом часу ночи, дошла на уровень армейских штабов в 2 – 3 часа ночи, а в большинство соединений и частей она попала только после начала боевых действий.

Да и текст директивы был, мягко говоря, двусмысленным: « ... 2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. ... 5. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить». Двусмысленный текст директивы свидетельствует, о том что Сталин все еще доверял письму Гитлера, который предупреждал Сталина о возможности провокаций со стороны немецких генералов (см. Приложение 10).

Поскольку войсковые командиры перед войной были задержаны постоянными указаниями не провоцировать немцев, эта директива, даже там где ее получили, принесла больше вреда, чем пользы. Известны случаи, когда зенитчики, находясь под бомбежкой, не открывали огонь! (см. (4) стр. 154). В боевую готовность подразделения привели, а огня не открывали, так как открытие огня – это уже «другое мероприятие». А за самовольство командир вполне мог отбыть по этапу на «десять лет без права переписки»** (Полный текст директивы смотри, например, в (2) стр. 285).

Примечание 2. «Десять лет без права переписки» – формулировка приговора, которую в период сталинских репрессий в СССР часто сообщали родственникам репрессированного, который на самом деле был приговорён к высшей мере наказания – расстрелу. Подобная формулировка, как указывают исследователи сталинских репрессий, могла использоваться для сокрытия их реальных масштабов. Получив такую информацию, родственники осуждённых годами надеялись, что те ещё вернутся из лагерей, хотя на деле их уже давно не было в живых. (Википедия. Десять лет без права переписки. Сталинские репрессии в СССР.)

0.2. Ночь с 21 на 22 июня 1941 года.

Ласковая летняя ночь накрыла землю своим теплым крылом. Последние отсветы долгой вечерней зари покинули небосвод. Стемнело сначала в Молдавии и Румынии, затем на Украине и в Венгрии, потом в Белоруссии и Польше. Долше всего заря задержалась в Прибалтике и Восточной Пруссии. Безоблачный небосклон усеяли яркие перемигивающиеся звезды. Трещали сверчки, в тиши далеко разносились трели соловьев.

Наступила роковая ночь – ночь накануне Второй Отечественной войны русского народа. К западу от советско-германской и советско-румынской границы все было также, как и в нашей реальности перед началом Великой Отечественной войны.

Прогревали моторы боевые самолеты, загруженные бомбами и заправленные топливом. Ревели танки, выходящие на исходные позиции. Артиллеристы еще раз выверяли установки прицелов и пересчитывали снаряды, заскладированные на боевых позициях. Пехотинцы тащили к лесным опушкам надутые резиновые лодки и плотики. Все было готово. Последняя пуговица последнего солдата заняла свое место на лацкане мундира.

Рейхсканцлер Адольф Гитлер, несмотря на неоднократные доклады войсковой и агентурной разведки упорно не желал вносить какие бы то ни было поправки в план «Барбаросса». Конечно, ему было известно, что Советы отвели большую часть полевых войск на линию старой границы, а основную часть танковых и моторизованных соединений – даже за линию Сталина, что на новой границе осталось только относительно слабое пехотное прикрытие. Несмотря на настойчивые попытки генералитета внести поправки в план нападения, Гитлер продолжал настаивать на неукоснительном выполнении плана «Барбаросса».

Он полностью доверял своей интуиции и был убежден, что «озарение» послано ему свыше. Свое политическое чутье он считал абсолютным. Это чутье говорило ему, что после первых же неудач советская система рассыплется как картонный домик. Могучие танковые клинья Вермахта пробьют насквозь вся приграничную оборону русских и без задержки прорвут укрепления линии Сталина. Нордическая твердость и несокрушимый боевой дух германского солдата в очередной раз покажут свое полное превосходство над славянскими «унтерменшами». Талантливые генералы Вермахта переиграют на полях сражений полуграмотных русских недоучек.

Ну и что с того, что русские отвели большую часть войск за старую границу. Значит, они будут окружены не за новой границей, а за старой лишь на несколько дней позже. Оказавшись в котлах, рядовые солдаты, недовольные большевистским режимом, тут же перебьют офицеров, побросают оружие и разбегутся.

Из донесений агентурной разведки он знал, что Сталин выпустил уцелевших в лагерях офицеров и вернул их на службу, но совершенно не придавал этому значения. Во-первых, вернулось не более трети, да и то не из самых лучших. Самые лучшие, благодаря абверу, поголовно расстреляны. Во-вторых, какой может быть боевой дух у замордованных, униженных, втоптаных в лагерную грязь людей? Офицер силен своим гордым духом, чувством собственного превосходства и своей незаменимостью. Ничего этого нет и не может быть у бывших лагерников.

Никаких корректировок в план «Барбаросса» внесено не было.

Даже на сообщение войсковой разведки о приведении русскими своих войск в полную боевую готовность, поступившее в 22 часа 15 минут по берлинскому времени, Гитлер не прореагировал. Пришедшему к нему с докладом об этом начальнику генштаба сухопутных войск Гальдеру он сказал:

– Ну что же, значит, тактической внезапности у нас не будет, но это и не слишком важно, поскольку русские отвели свои войска в глубину территории. Зато все остальные факторы

нашего превосходства остаются в силе. Приказ о наступлении отменять или корректировать не будем. Машина запущена!

К востоку от границы обстановка радикально отличалась от имевшей место в нашей реальности.

Все войсковые части передового рубежа и предполья с 16 часов заняли подготовленные позиции в полном боевом снаряжении. В городах и населенных пунктах введено затемнение и комендантский час с 22 часов московского времени. Авиаполки рассредоточили свои самолеты по полевым площадкам и замаскировали. Силы ПВО приведены в полную боевую готовность. Танковые и моторизованные соединения покинули свои городки и рассредоточились в окрестных лесах.

Никто в Красной Армии в эту ночь не спал.

1.0.

22 июня 1941 года. Самый длинный день.

1.1. Повесть о малом гарнизоне.

В 13 часов 40 минут дежурный по гарнизону вызвал младшего лейтенанта Иванова к телефону и знакомый голос комбата объявил сигнал «Озеро Ильмень» с 16 часов.

– Вас понял, сигнал «Озеро Ильмень» с 16 часов принял, машинально ответил Иванов, не успев осознать, что именно он принял.

После паузы комбат переспросил:

– Ты все понял?

Также, после паузы, лейтенант четко и отдельно отрапортовал:

– Так точно, понял!

– Тогда действуй, сказал комбат и отключился.

С полминуты мамлей стоял неподвижно, собираясь с мыслями. Кодовый сигнал «Озеро Ильмень» означал боевую тревогу и вскрытие секретного пакета с приказом. Затем, приказав дежурному по гарнизону собрать всех командиров, спустился в нижний отсек дзота, приказал радисту сделать запись в журнале о принятом сигнале, расписался сам под записью, достал из под стола радиста металлический ящик с сургучной печатью на бечевке, и снова вылез в боевой отсек.

Когда командиры гарнизона собрались, Василий Иванов объявил:

– По приказу командования с 16 часов вводится боевая готовность № 1. Вскрываю пакет с приказом.

Затем сорвал печать, открыл ящик, разрезал финкой пакет и зачитал приказ по гарнизону.

Ничего принципиально нового для себя командиры из приказа не узнали. Взводу Иванова с приданными подразделениями предписывалось оборонять от наступающего противника мост через реку Йотия на дороге Славикай – Юрбаркас, затем по приказу командования взорвать мост и препятствовать противнику в его восстановлении, потом, опять же по приказу командования, отступить на соединение с батальоном. В приказе подробно расписывались условия подрыва моста и отхода с позиции в случае отсутствия связи со штабом батальона. Прилагалась таблицы кодовых слов для радио- и телефонной связи на 5 суток. Василий оглядел подчиненных командиров и осведомился, все ли уяснили приказ. Вопросов не было, кроме одного, который, однако, волновал всех:

– Это что же, война?

– Я знаю не больше вашего, – ответил Василий,

– Но, похоже, что так. Зазря такие приказы не отдаются. Теперь о срочных делах. В течение следующих пяти минут Василий отдал все необходимые распоряжения:

- установить дежурство командиров на НП по графику,
- усилить караулы,
- запретить личному составу покидать расположение,
- выдать боекомплект бойцам и расчетам,
- проверить вооружение и поставить его на боевые позиции,
- поставить минное поле на боевой взвод,
- начальнику хозчасти раздать патроны ездовым и выставить парный караул у хозчасти и загона с лошадьми, благо сержант Прохорчук как раз был в опорном пункте, привез вместе с поваром обед.

Отпустив подчиненных выполнять распоряжения, младший лейтенант Иванов вылез из дзота и поднялся на НП, проще говоря, залез на перекрытие дзота, бывшее самой высокой точкой опорного пункта. Поскольку дзот был обсажен уже принявшимися кустами, то, сидящий на дзоте человек, был совершенно не замечен со стороны. Там постоянно стелили свежую охапку сена, накрытую плащ-палаткой, так, что наблюдателю было вполне комфортно.

Глядя сверху на забегавших по окопам и ходам сообщения бойцов, Василий попытался представить, что сейчас делается у соседей. На четвертый и пятый день пребывания в должности командира гарнизона, после подробного знакомства с опорным пунктом и его ближайшими окрестностями, он, с разрешения комбата, побывал у всех соседей, с которыми придется взаимодействовать.

В восьми километрах южнее, вблизи селения Славикай, на довольно крупной реке Шешупе, отделявшей Литву от Восточной Пруссии, размещалась погранзастава в составе, примерно, стрелковой роты. Командир погранцов капитан Кондратьев – коренастый, уверенный в себе крепыш лет тридцати, напомнил Василию его первого ротного во времена срочной службы в Средней Азии и боев на Халхин-Голе. Застава оборудовала себе очень приличный опорный пункт с четырьмя двух амбразурными дзотами. Василий не сомневался, что прежде чем немцы доберутся до него, им придется как следует обломать зубы о капитана Кондратьева и его бойцов.

В семи километрах на северо-запад, ниже по течению Йоти, опорный пункт первого взвода их собственной первой роты прикрывал мост на дороге Славикай – Сударгас.

У селения Готлибишкяй в семи километрах восточнее Славикая мост через речку Сие-сартис оборонял гарнизон из третьего стрелкового и опорного взвода их роты.

На околице Сударгаса в восьми километрах к западу на перекрестке дорог стоял опорный пункт взвода второй роты.

В четырех километрах севернее, позади гарнизона Иванова, перекресток двух важных дорог у селения Кидуляй прикрывал двухвзводный опорный пункт второй роты.

Еще один взвод второй роты оборонял перекресток дорог примерно посередине между селениями Сударгас и Кидуляй.

И наконец, в шести километрах позади них у городка Юрбаркас важнейший автомобильный мост через реку Неман прикрывал двухротный опорный пункт, там же находился и штаб батальона.

В общем, проехав по всем опорным пунктам и познакомившись с их командирами, Василий пришел к выводу, что в зоне ответственности их батальона, имевшей размеры примерно 14 км на 14 км, опорные пункты размещены наилучшим возможным образом. Противнику, чтобы добраться до моста через Неман с любого направления, придется прорывать не менее трех опорных пунктов. Обдумав все это еще раз, Василий приободрился. Война с Германией не шутка, но, они не одни, и у них есть чем за себя постоять.

Деловая суэта в гарнизоне продолжалась. Расчет ДШК с помощью стрелков тащил свой тяжеленный пулемет из дзота на позицию для зенитной стрельбы. Минометчики уже выставили в дворики свои «самовары» и теперь волокли из блиндажа к минометам ящики с боеприпасами. Тем же занимались и артиллеристы. Трое взводных минеров деловито передвигались между внешним и внутренним проволочными заграждениями от мины к мине. У них работы было больше всего. С каждой заранее установленной мины нужно было надрезать и приподнять дерн, снять промасленную бумагу, ввернуть взрыватель, выдернуть чеку, осторожно уложить дерн на место и выдернуть колышек, обозначающий мину. Затем идти к следующей мине, ни в коем случае не возвращаясь назад. Всего им нужно было поставить на боевой взвод 60 противотанковых и 130 противопехотных мин.

В 15 часов 45 минут все приготовления были закончены и Василий доложил в батальон о выполнении сигнала «Озеро Ильмень». С 16 до 20 часов по графику на НП должен был дежурить артиллерист Сидоров. Себе Василий назначил дежурство с 0 часов, поскольку считал, что события, скорее всего, если начнутся, то начнутся ночью.

Слухи о приближающейся войне с немцами бродили уже давно. А в последнюю неделю местные жители, проезжая через пропускные посты взвода, говорили об этом уже в открытую. Сегодня дорога была до странности пустынна. За весь день по обычно оживленной дороге прошла только одна полуторка с бойцами и грузом к пограничникам. Местные жители, как будто, все поспрашивали.

В половине пятого на машине с тремя бойцами подъехал замкомбата капитан Колесников. Проверил готовность, сказал Василию, что сегодня ночью возможно нападение Германии на СССР, приказал бдительно неусыпно, и поехал дальше к погранцам. Больше до конца дня никаких событий не произошло.

В 0 часов Иванов занял пост на НП, сменив минометчика Петрова. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь стрекотом сверчков и звучными трелями соловья. Повозившись на сене, накрытом плащ-палаткой, Василий повернулся на спину. Летнее ночное небо развернуло над ним все свои невероятные красоты. Луна еще не взошла. Перемигивались звезды, пересекал небосвод из края в край млечный путь.

Он знал, что, кроме него, бодрствуют еще по три бойца в пропускных будках, по одному бойцу от каждого стрелкового взвода во внешнем кольце окопов, дежурный связист, да двое часовых в хозблоке в лесу.

В ночной тьме позиции взвода лишь смутно угадывались, но Василий и так представлял их совершенно отчетливо. Иванов с некоторым смущением подумал, что впереди, похоже, большая война, а он командует взводом всего неполный месяц. Хотя, совсем уж зеленым салагой он себя не считал.

23 мая 1941 года, после успешного окончания Ташкентского пехотного училища и утомительной дороги, младший лейтенант Иванов Василий прибыл для прохождения службы в 314 стрелковый полк 133 стрелковой дивизии, расквартированный в окрестностях литовского городка Шакяй. Представившись командиру полка и оформив все необходимые бумаги в штабе, Василий получил назначение на должность командира 2-го взвода 1-ой роты 2-го стрелкового батальона, и в тот же день на попутной машине с приказом о назначении в руках отправился к месту службы.

В училище Иванов попал по рекомендации командования стрелковой бригады после срочной службы. В составе бригады, дислоцировавшейся в мирное время в Ферганской долине, ему пришлось два с половиной месяца повоевать на Халхин-Голе. Нашивка за легкое ранение и медаль «За отвагу» свидетельствовали, что воевал Василий хорошо. Срочную закончил старшим сержантом, командиром отделения.

Полугодичный ускоренный курс училища дался ему легко. По всем практическим дисциплинам имел пятерки, по теории – в основном четверки. Тем не менее, по успеваемости

он закончил обучение восьмым на курсе, и как все окончившие в первом десятке, получил право выбора места службы. Он немного жалел, что не вошел по успеваемости в первую тройку выпускников, которым при выпуске сразу присвоили звание лейтенанта, но и не переживал особо по этому поводу.

Послужив в Средней Азии и в Монголии, парень из сибирского городка в Томской области захотел посмотреть дальний запад своей страны и выбрал службу в Прибалтике.

До своего взвода он добрался под вечер, познакомился с комсоставом, и лег спать. На утро предстояла приемка дел.

Младший лейтенант Савосин, которого заменял Иванов, направлялся в штаб полка для нового назначения. После завтрака они вдвоем обошли все позиции взвода. И не только взвода. Командир взвода, одновременно, командовал гарнизоном отдельного опорного пункта, в который, помимо самого стрелкового взвода в составе трех стрелковых и опорного отделения, входили еще и приданные подразделения: расчет противотанковой пушки из семи человек под командой младшего лейтенанта Ивана Сидорова, два расчета 82-мм минометов из восьми человек младшего лейтенанта Константина Петрова и расчет пулемета ДШК из четырех бойцов во главе со старшим сержантом Кондратом Васильевым. А всего – 70 человек, из них три младших лейтенанта. Отделениями взвода командовали четыре старших сержанта – Конюков, Дубинин, Власенко и Дементьев. Хозяйственной частью заведовал сержант Прохорчук. Командир опорного отделения Игнат Конюков по совместительству исполнял обязанности замкомвзвода. Поскольку вся их 133 дивизия была развернута из запасной дивизии сокращенного состава только минувшей зимой, большую часть бойцов составляли первогодки осеннего и весеннего призыва. Остальные бойцы были переведены из Сибирского военного округа на втором и третьем году службы. В основном они получили звания сержантов и младших сержантов, а также составили расчеты тяжелого пехотного оружия.

Вооружение гарнизона показалось Василию весьма внушительным: 1 противотанковая «сорокопятка», два ротный миномета, крупнокалиберный пулемет ДШК со станками для зенитной и настольной стрельбы, 1 «максим», 2 противотанковых ружья, три ручных пулемета, 8 самозарядных винтовок, 6 автоматов, 30 винтовок. В Монголии такого арсенала не имела и целая стрелковая рота. Василий даже себя зауважал. Под его командой оказался не простой взвод, а маленькая часть со своей артиллерией, минометами и зениткой. Можно воевать не только с пехотой, но и с танками и с авиацией!

Опорный пункт взвода контролировал мост на речке Йотия в 8 километрах от границы с Восточной Пруссией на дороге от села Славикай в городок Юрбаркас на реке Неман. Взвод занимался строительством опорного пункта с середины марта, в середине апреля на усиление прибыли артиллеристы, минометчики и расчет ДШК. К приезду Василия все работы были закончены и взвод занимался боевой учебой.

Вместе с Савосиным они обошли все окопы, ходы сообщения, блиндажи и проволочные заграждения. Все было в полном порядке, и в 12 часов акт приемки и сдачи командования был подписан. Савосин попрощался с товарищами и отбыл в Шакяй.

Сейчас, оглядываясь вокруг, младлей Иванов ясно представлял себе каждый блиндаж, каждый окоп и каждого бойца, который займет место в окопе. Василий уже помнил в лицо всех своих бойцов.

Вымощенная булыжником дорога от села Славикай слегка поблескивала в свете взошедшего месяца. В 1800 метрах к югу дорога выходила из лесного массива и пересекала широкое ровное поле, полого спускавшееся к реке, проходила по деревянному мосту мимо опорного пункта взвода и в 400 метрах к северу опять ныряла в небольшой лесок. За леском она проходила через село Кидуляй и далее шла к большому автомобильному мосту через Неман.

Невеликая речка Йотия шириной где 5, а где 10 метров, и глубиной где по колено, а где по пояс, текла через поле в довольно широком логу в общем направлении с юга на север. Лог,

вероятно, в давние времена был руслом более солидной реки и имел ширину метров 50 – 70. Пологие берега лога высотой 3- 4 метра ограничивали причудливые петли речушки. Казалось бы – пустяковая речка, однако, ее топкое илистое дно, как и влажный заливной луг на дне лога, делали невозможным переезд вброд не только автомобилей, но и танков. Мост через эту несерьезную речку был кратчайшим путем от границы в сторону важнейшего моста через Неман на участке шириной 15 км.

Опорный пункт взвода располагался на невысоком пригорке на правом берегу реки. Речка в этом месте протекала под левым берегом лога, поэтому мост вел с высокого левого берега на земляную насыпь, пересекающую лог под прямым углом. Мост, дорога и насыпь находились ниже опорного пункта.

На макушке пригорка стоял дзот, две амбразуры которого контролировали мост, насыпь и всю дорогу до дальнего леса. Во фронтальной амбразуре размещался ДШК, а во фланговой – «максим». Под верхним боевым отделением дзота размещался еще один подземный этаж, в котором хранился боезапас, рация, телефон и одна из двух машинок, которые подрывали заряды под мостом и в насыпи. Дзот окружали два кольцевых окопа, один в 15 метрах, другой в 35- 40 метрах от дзота. Между внешним и внутренним окопами размещались два жилых блиндажа стрелковых отделений, блиндажи артиллеристов, минометчиков и расчета ДШК. Для хранения снарядов и мин к минометам служили два отдельных блиндажа. Еще два блиндажа стрелковых отделений были врыты в склон лога и имели по одной амбразуре для стрельбы из ручных пулеметов и ПТР. В правом блиндаже размещалась резервная подрывная машинка. Каждый из блиндажей имел перекрытие в три наката толстых бревен и земляную насыпь в полметра. Изнутри стенки блиндажей обшили жердями.

Для противотанкового орудия отрыли два дворика: один глубокий с сектором обстрела вдоль дороги на юг и один мелкий с круговым сектором обстрела. Под каждый миномет и для зенитной стрельбы из ДШК подготовили по два глубоких дворика. Стенки окопов и двориков укрепили плетнем из прутьев. Дзот и все брустверы обложили дерном и обсадили принесенными из леса кустами.

Опорный пункт по периметру окружали два кольца из колючей проволоки: ближнее на расстоянии 30 – 40 метров от окопов, и внешнее – на расстоянии 100-120 метров. По фронту опорного пункта внешнее кольцо шло по берегу речки, а внутреннее – по берегу лога. Справа от опорного пункта дорога проходила между внешним и внутренним кольцами. Во внешнем кольце на дороге установили шлагбаумы со сторожевыми будками. На левом, западном берегу реки шло еще одно полукольцо «колючки» радиусом 200 метров. Концы полукольца опирались на реку. Проезд и проход через посты разрешался только по пропускам, выданным в штабе батальона или на погранзаставе.

В тыловом лесочке размещалась хозяйственная часть гарнизона, представлявшая собой деревянный сарай с печью, на которой готовили питание, и загон для лошадей.

Василий вспомнил, как 2 июня, едва он успел освоиться в должности, в расположение прибыли три грузовика с цементом и приказ срочно усилить дзот бетонной плитой. Всему гарнизону пришлось попотеть. Весь уже приросший дерн и кусты с дота срезали, сняли метровый слой грунта и два наката бревен из четырех. В ближайшем карьере в трех километрах бойцы грузили песок на четыре имевшихся в гарнизоне повозки и шесть повозок, мобилизованных в местном колхозе, и везли его в гарнизон. Бойцы в три смены замешивали раствор с булыжником, вынутым из дороги, и заливали перекрытие дзота – плиту размером 6 на 6 метров. По краям толщина плиты составила 40 см, а над боевым отсеком – 60 см. По заверению полкового инженера, наездами контролировавшего работу, дзот должен был выдержать однократное попадание снаряда 150-мм гаубицы, и неоднократное – дивизионной немецкой 105 – мм гаубицы. Полковые пушки его вообще не должны были взять. После заливки и трамбовки

бетона дзот снова засыпали грунтом, обложили дерном и обсадили кустами. Работа заняла 4 дня. Теперь, через 14 дней, дзот снова стал незаметен издали.

Командиры довольно долго думали, куда девать освободившиеся два наката бревен, пока артиллериста Сидорова не посетила светлая мысль переоборудовать глубокий артиллерийский дворик в капонир. Иванов идею одобрил. Боковые брустверы дворика приподняли еще на полметра, уложили на них два наката бревен, засыпали грунтом и замаскировали. В получившемся самодельном капонире артиллеристы могли, по крайней мере, не опасаться минометного обстрела.

Во все дни, не занятые строительством, Василий до изнеможения гонял бойцов на занятиях. Одно отделение изображало противника. Остальные отрабатывали отражение атак со всех направлений. Атаки пехоты, кавалерии, танков, пехоты с танками. Жаль только, что танки изображали лошади с повозками. Зато кавалерию вполне качественно изображали восемь лошадей гарнизона, бойцы из крестьян сносно держались на них и без седел.

Трижды, по приказу комбата, провели стрельбы из всех видов оружия. Артиллеристы и минометчики провели пристрелку по рубежам, благо телеграфные столбы, стоящие вдоль дороги через каждые 50 метров, давали отличную шкалу дальности. Пристрелялись по рубежам расчеты ПТР, пулеметчики и стрелки.

В общем, командиры и бойцы уяснили свои действия. Стоило Василию дать команду:

– «Приготовиться к отражению атаки роты пехоты с левого фланга!» Или

– «Приготовиться к отражению атаки батальона пехоты с танками с фронта!», как артиллеристы, минометчики и расчеты ПТР занимали позиции, стрелки перебежали по окопам на нужный фланг.

Для пользы дела Василий погонял бы бойцов еще с месяц, но, увы, этого месяца им не дали.

В 1 час 23 минуты к Иванову поднялся дежурный связист и доложил, что телефонная связь с батальоном прервалась*. Радиосвязь действовала.

В 3 часа 22 минут он уловил отдаленное гудение идущих где-то вдалеке самолетов, но ничего не увидел, и поэтому не стал ничего докладывать.

Горизонт на северо-востоке уже посветлел, когда в 4 часа 15 минут в южной части горизонта еще темное небо озарилось многочисленными вспышками. Через полминуты донесся отдаленный грохот, как будто какие-то бешеные барабанщики за горизонтом со всей дури лупили в огромные барабаны. Василий еще по Халхин-Голу знал, что так звучит отдаленная артподготовка, и сразу же доложил в батальон. Канонада продолжалась 15 минут, затем все стихло. Иванова вызвал к радиации начштаба батальона и сообщил, что опорные пункты в Славикай и Готлибишкяй подвергнуты массированному артобстрелу и атакованы противником. Немцы начали форсирование Шешупе большими силами. Иванов дал команду «В ружье».

Взошедшее слева за спиной солнце озарило местность. Прямо впереди и на 45 градусов левее к небу поднимались густые столбы серого дыма. Горели Славикай и Готлибишкяй. В 05-30 грохот на юге возобновился и продолжался 10 минут. Василий понял, что противник не смог схода захватить опорные пункты и проводит повторную артподготовку.

В 06-15 дежуривший Конюков вызвал на НП командира, и, передав ему бинокль, показал группу кавалеристов, показавшуюся из леса. Понаблюдав пару минут, Иванов насчитал 28 всадников. Они не походили на наших пограничников. «Немцы!» – пронзила мысль. Поскольку больше никто из леса не показался, следовал вывод, что это конный разведвзвод. На такой случай лейтенанты загодя придумали ловушку.

Когда немцы приблизились к середине поля, шесть бойцов во главе с Прохорчуком, выскочили из окопа и побежали к дороге, громко вопя и размахивая руками. Из левобережной сторожевой будки выскочили еще три бойца и тоже побежали назад к лесу. У правобережной будки к ним присоединились еще трое, и все они сплоченной гурьбой, как зайцы, рванули к

лесу. Шлагбаумы остались поднятыми, двери будок – раскрытыми. Как предполагали лейтенанты, увидев такое паническое бегство, немцы должны были посчитать опорный пункт брошенным. Все остальные бойцы попрятались в окопах. Только сам Василий, сняв каску, чтобы не отсвечивала, выглядывал через бруствер, спрятавшись за специально для этого посаженными кустиками.

Идея сработала, но, к сожалению, не полностью. В пятистах метрах немцы остановились, от группы отделились 9 всадников и поехали дальше. У южной будки трое спешили. Заглянули в будку. Затем вся девятка переехала через мост и остановилась на дороге, там, где от дороги отходила тропинка к окопам. Трое немцев доехали до северной будки, осмотрели ее, потом вернулись к остальным. Немцы посоветовались, затем один остался с лошадьми, пятеро залегли в кювете за дорогой, выставив автоматы, а трое пошли по тропе к окопам.

Василия трясло от волнения. Осторожно просунув ствол ППД через куст, он взял на мушку первого немца в тройке. Когда немцам осталось до окопа 10 метров, младший лейтенант задержал дыхание, нажал на спуск и провел дергающимся стволом автомата от первого немца к третьему. С 20 метров промахнуться было сложно. Он и не промахнулся. Длинная очередь в полрожка срезала всех троих. Одновременно Василий услышал за спиной и вокруг себя густой треск. Взвод лупил по немцам из всех стволов. Коновод был уже убит. Пятеро в кювете тоже были не жильцы. Из мелкой канавы торчали каски, зады и пятки сапог. Вокруг них густо брызгали фонтанчики пыли от пуль.

Василий перенес внимание на дорогу. Над головами немцев вспухло облако шрапнельного разрыва. Рядом с ними выросли два «куста» минных взрывов. По сбившимся в кучу немцам долбили все приданные средства и два стрелковых отделения. На месте осталась куча убитых и бьющихся раненых лошадей и немцев, однако, восемь всадников вырвались из кучи и теперь врасыпную удирали в сторону леса. Плотный огонь взвода выбивал их одного за другим. Самому шустрому осталось доскакать до леса метров двести, когда близкий разрыв осколочного снаряда свалил и его.

Иванов поглядел в кювет. Никто там не шевелился. На дороге бились и кричали раненые лошади.

– Первое отделение, Конюков, санинструктор и санитары, за мной – скомандовал младлей, выскочил из окопа и побежал по тропе на дорогу. За ним дружно топотали бойцы. На дороге Василий огляделся. Зрелище впечатляло. На дороге и в кювете лежали убитые лошади и немцы. Две лошади подорвались на минах. Три уцелели и стояли на дороге, убитый немец продолжал удерживать их за намотанные на руку поводья.

– Дубинин с отделением – бегом по дороге! Поймать всех лошадей, раненых добить. Всех убитых фашистов перетащить на дорогу. Оружие и боеприпасы собрать. Убитых лошадей цепляйте к здоровым и волоките под обрыв берега, чтобы не было видно с дороги.

– Санинструктор – перевязать раненых немцев и подготовить к отправке.

– Конюков! наших лошадей с повозками приведи из загона. Вместе с ездовыми погрузи всех убитых немцев и отвези в лес, – быстро раздавал приказания младший лейтенант. Убедившись, что все кинулись исполнять приказы, Василий бегом помчался в дзот. По дороге приказал Власенко с вторым отделением взять лопаты и бежать на дорогу в помощь первому отделению, затем засыпать воронки и кровавые пятна на дороге.

Спустившись к рации, Иванов вызвал комбата и взял в руки кодовую таблицу. Сегодня был «рыбный» день. Заглядывая в таблицу, он с паузами доложил:

– В 6 часов 30 минут вступил в «клевы» с «куканом» конных «пескарей». Весь «кукан» уничтожен. Всего 28 «пескарей». Сейчас их собираем. Возможно, будут «красноперые» «пескари». Я сам «красноперых» и «колючих» не имею. «Окунь -2» как понял?

– Понял тебя, «Ерш – 2». Собери у «пескарей» документы. Направляю к тебе «лодку» с «Окунем – 23», готовь документы и всех «красноперых» «пескарей» к отправке. Объявляю тебе благодарность за удачный «клев»! Как понял «Ерш – 2»?

– Ясно понял, «Окунь – 2».

Приехавший через 15 минут на полуторке с пятью бойцами замкомбата Колесников сообщил, что пограничники еще держатся, гарнизон первого взвода ниже по течению Йотики тоже, а с гарнизоном в Готлибишкяе связь потеряна. Немцы навели паромную переправу через Шешупе между устьем Йотики и Славикаем и строят рядом понтонный мост. Так, что скоро немцы могут появиться и здесь. Колесников рассказал, что ночью группа немецких диверсантов, переодетых в форму НКВД и имеющих соответствующие документы, попыталась проникнуть на территорию опорного пункта в Юрбаркасе. Якобы с целью проверки готовности моста к подрыву. Их пропустили за внешнее ограждение. Но, перед внутренним ограждением их задержал бдительный дежурный командир, решивший получить подтверждение от вышестоящего командования. Пока он ходил связываться с полком, диверсанты напали на часовых. К счастью, один из часовых успел выстрелить. Дежурный взвод вступил в бой с диверсантами. В это время более сотни местных контрреволюционных элементов, под командой других диверсантов атаковали опорный пункт с тыла. В ожесточенном бою нападавших частично уничтожили, а частично рассеяли. Гарнизон потерял 18 человек убитыми и ранеными. Рассказав эту историю и пожелав удачи в бою, замкомбата забрал четверых раненых немцев и отбыл.

К сожалению, одного немца из 28 найти не удалось. На дальнем краю поля лежала только убитая лошадь. Сам немец уполз в лес. Это было неприятно. Теперь этот гад предупредит своих.

К 07-40 всех убитых немцев отвезли в лес, убитых лошадей сволокли под обрыв, 6 уцелевших лошадей отогнали в загон, пятна крови и воронки засыпали грунтом. Хотя, сбежавший немец сводил на нет все эти ухищрения.

В 07-50 повар привез из хозчасти завтрак. Война – войной, а завтрак по расписанию! – повторяли бойцы старую армейскую шутку.

Порадовали трофеи – четыре ручных пулемета, 13 автоматов, 10 карабинов, три пистолета, много патронов и гранат, три бинокля. Пистолеты и бинокли раздали старшим сержантам, Иванов, Петров и Сидоров поменяли свои старые бинокли на новые немецкие – отличные восьмикратные светосильные «Цейсы». Скомплектовали четыре расчета ручных пулеметов. Автоматы раздали стрелкам, а их винтовки и немецкие карабины – артиллеристам и минометчикам, не имевшим личного оружия.

После 10 часов на опушке дальнего леса начали накапливаться немцы, однако на поле пока не выходили.

В 10 – 55 из леса показалась густая цепь немцев. Иванов быстро прикинул – около трехсот человек – две стрелковые роты. Бодрым шагом, развернувшись на 600 метров влево и на 300 метров вправо от дороги, немцы двинулись через поле. Когда цепь отошла от опушки метров на 100, из леса выдвинулась вторая цепь – человек 150 – еще одна рота. Затем с дороги влево вдоль опушки выехала колонна из 10 грузовиков. 6 последних тащили на прицепе небольшие пушки. Растянувшись метров на 300 вдоль опушки, грузовики встали. В бинокль Василий увидел, как спешившиеся артиллеристы принялись отцеплять пушки, а из четырех первых грузовиков расчеты начали выгружать минометы. Итого – подумал Иванов – усиленный батальон!

– Иван, обратился он к артиллеристу Сидорову, – тебе пушки, начиная с крайней правой!

– Костя, бей минометы, начиная с крайнего правого и крайнего левого – получил приказ минометчик Петров.

– ДШК и ПТР бить по средним минометам, мешать прицеливаться! – старшие сержанты Васильев и Конюков рванулись выполнять приказ.

– Стрелкам укрыться в блиндажах, кроме наблюдателей! – командиры стрелковых отделений тоже умчались.

Василий остался на НП, наблюдая за немцами в бинокль. Сами того не зная, немцы упростили задачу, поставленную им подчиненным. Опушка леса была давно и тщательно пристреляна. Не прошло и 20 секунд, как звонко бабахнула «сорокапятка», через две секунды чуть левее правой пушки встал султан разрыва. Затем хлопнули два миномета, дав небольшие перелеты. Прямо под Василием загрохотал ДШК, впереди шарахнули ПТР. Немцы забегали быстрее.

Уже четвертым выстрелом Сидоров разбил правую пушку. Снаряд разорвался прямо под ней, и она опрокинулась вверх колесами. Минометчики на таком расстоянии, конечно, не могли добиться прямых попаданий, но близкие разрывы мин выбивали расчеты. Около крайних минометов немцев уже не было видно – или перебиты, или залегли.

Позади опорного пункта разорвались первые мины. 80 миллиметров, не больше – сделал вывод младлей.

Просвистели два снаряда. Первый просвистел тонко и рванул с недолетом, дав совсем слабый разрыв.

– Противотанковая 37 мм – подумал Василий – ну, этим нас не возьмешь.

Другой провыл басовитее и дал солидный разрыв сзади. Полковая трехдюймовка – решил Иванов – это хуже, но тоже не очень страшно. От греха подальше, решил спуститься в окоп левее дзота. Из окопа поглядел в бинокль – Сидоров уже прикончил вторую пушку, Петров молотил по третьему и четвертому минометам.

– Так, тут все идет нормально – решил Иванов и сосредоточил внимание на пехотных цепях. Цепи рассредоточились в глубину и бодрой рысью двигались вперед. Прошли уже метров четырехста.

Немцы пристрелялись. Внутри кольцевого окопа часто взлетали фонтаны разрывов. Грохот бил по ушам. Затем частота разрывов упала. Поглядев на немецкие пушки, Василий с удивлением обнаружил, что Сидоров уже прикончил последнее орудие и переключился на минометы. Глянув на часы, он определил, что артиллеристы разбили все шесть пушек за 8 минут. Немцы суетились только у двух минометов, потому и снизилась интенсивность обстрела.

Ну и молодцы! – подумал Василий о своих артиллеристах и минометчиках.

Пехота, между тем, подходила к середине поля. Василий решил, что время еще есть. Побежал в дзот, скатился по лестнице вниз и приказал радисту доложить в батальон, что гарнизон вступил в бой с батальоном противника, поддержанным артиллерией и минометами. Затем метнулся обратно.

Немецкие минометы больше не стреляли. Василий послал связного бойца вывести стрелков из блиндажей. Сам пошел к минометчикам и артиллеристам. Петрову поручил обрабатывать передовую немецкую цепь, а Сидорову – вторую.

Артиллеристы и минометчики открыли беглый огонь. Среди шедших врасыпную немцев каждую секунду вставал султан разрыва. Цепи залегли. Овес, которым колхозники засеяли поле, поднялся уже выше колена, и залегших немцев не стало видно.

Представлю Петрова и Сидорова к награде, – решил Иванов.

Однако, немцы и не подумали отступить. Демонстрируя отличную выучку, цепи начали продвигаться короткими перебежками повзводно. То один, то другой взвод вскакивал, пробежал метров двадцать, и опять бухался в овес. За время перебежки было совершенно невозможно прицелиться и выстрелить.

Ну наглецы, – подумал младлей – прутся в наглуую на подготовленную оборону без арт-поддержки! Что, они нас вообще не считают за серьезного противника, что ли?

Иванов не мог знать, что командир 1 батальона 215 полка, составлявшего передовой отряд 122 пехотной дивизии 28 армейского корпуса 16 армии группы армий «Север» Вер-

махта, майор Штольпе получил приказ до 10-00 уничтожить опорный пункт, захватить мост через Йотию и обеспечить продвижение главных сил дивизии к мосту через Неман. Мост через Неман должен быть захвачен 215 полком к 14-00.

Ничего этого младший лейтенант Иванов не знал. Не знал и того, что сопротивление пограничников капитана Кондратьева уже поломало немцам график, а майор Штольпе не привык опаздывать и горел желанием наверстать график, предусмотренный приказом.

Видя, что огонь пушки и минометов вслепую по залегшему противнику малоэффективен, Василий приказал Сидорову и Петрову перейти на беспокоящий огонь, не давая немцам идти в рост. Пусть умаются, ползая в овсах.

Полоса радиусом 200 метров вокруг внешнего кольца «колючки» составляла зону отчуждения опорного пункта, в которой колхозникам запретили сеять, но разрешили косить траву. Она и была добросовестно скошена. Сено местным крестьянам тоже было нужно. Внутри заграждения из колючки колхозникам вход был запрещен, и траву косили сами бойцы. Сено шло на корм лошадям и на матрацы бойцам. Так что, за 200 метров до «колючки» немцам, хочешь – не хочешь, придется вылезать из овса, и бежать по чистому полю. Василий решил не жечь зря боезапас, а дожидаться этого момента.

В 11-40 немцы дошли до края овсяного поля и начали там накапливаться. Петров и Сидоров снова перешли на беглый огонь по краю овсяного поля, так что, сидеть там долго немцам было не с руки. Василий дал команду пулеметчикам и стрелкам открыть огонь, как только немцы выйдут из овса, а автоматчикам – стрелять только когда немцы подойдут к реке. Стрелять из автоматов на большей дистанции – только расходовать зря рожки. «Максим» приказал вытащить из дзота в окоп, чтобы он мог тоже смог поучаствовать в деле.

В 11-46 – Иванов засек время – немцы густой цепью выскочили из овса и побежали в атаку, стреляя из автоматов и винтовок. С обоих флангов атакующей цепи из овса ударили пулеметы.

Бойцы не подкачали. Дружно застучали «максим», три своих и четыре трофейных ручных пулемета, захлопали винтовки. Дистанция в 350 метров была для них убойной. Не пробежав и 50 метров, немцы залегли, но упорно продолжали ползти вперед. Позади ползущих оставались те, кто уже никуда не полз. Их было много. Но, остальные настырно лезли вперед. По брустверам хлестали очереди немецких пулеметов, заставляя бойцов пригибаться, мешая прицеливаться. Появились раненые и убитые. Присмотревшись, Василий насчитал примерно по 10 пулеметов на правом и левом фланге.

– Этак они нам всю обедню испортят – подумал Иванов – и послал связного с приказом Сидорову сосредоточить огонь на правофланговых пулеметах, а Петрову – на левофланговых. Другого связного послал в дзот к Васильеву, чтобы расчет ДШК тоже занялся подавлением правофланговых пулеметов.

Немцы уже приближались к внешнему кольцу «колючки».

В дисциплине и выучке им не откажешь – сделал вывод Василий – под таким плотным огнем мои бойцы вряд ли смогли бы ползти вперед – самокритично подумал он.

– Автоматчикам без команды огня не открывать – передал по цепи Иванов.

Связной добежал. Между немецкими пулеметами встали султаны разрывов. На таком расстоянии артиллеристы и минометчики не промахивались.

Решив, что немецким пулеметчикам осталось жить минуты, Иванов снова переключил внимание на пехоту. Самые шустрейшие немцы уже доползли до заграждения и резали проволоку. Все больше немцев проползали за заграждение. Лежать в чистом поле под плотным пулеметным и ружейным огнем было глупо. Сейчас они рванутся – решил Василий. И угадал.

Повинуясь неслышной команде, немцы вскочили и рванулись вперед. На взгляд Василия, их оставалось еще человек 250. Немцы уже подбегали к реке. Передовые скатились с берега лога и, поднимая брызги, прыгали в реку.

– Ну – ну, – подумал Василий. По кромке правого берега проходило внешнее кольцо заграждения, не видимое с поля. Перебежавшие через речку немцы уперлись в «колючку».

– Автоматчики, огонь! – что есть силы заорал Иванов, и сам, прицелившись, нажал на спусковой крючок ППД. До «колючки» было около ста метров, убойная дистанция для автоматов. Окоп взорвался ураганным огнем. 30 своих и трофейных пистолет-пулеметов ударили по врагу. Немцам в речке даже залечь было некуда. Вода густо вскипела пулевыми фонтанчиками. Не взирая на пули, секущие бруствер, бойцы в азарте боя полосовали немцев из автоматов и пулеметов, на выбор били из винтовок.

Наконец кто-то из командиров у немцев сообразил, что, еще немного, и весь батальон ляжет на берегу речушки. Повинуясь неслышной команде, немцы перебежками и ползком стали отступать. Василий поглядел на немецкие пулеметы. Продолжали стрелять два справа и три слева. И этим недолго жить осталось – сделал он вывод. Огонь его собственных бойцов между тем тоже ослабел. Ручные пулеметы достреливали последние диски и ленты. У автоматчиков тоже заканчивались снаряженные рожки. Без остановки молотил только «максим», да трещали винтовки.

Через несколько минут стрельба прекратилась. Все немецкие пулеметы замолкли. Уцелевшие немцы уползли в овес. Василий отдал через связных приказ подсчитать потери и доложить. Весь скошенный участок поля был усеян телами убитых и раненых немцев. В наступившей тишине слышались крики и стоны раненых. Пока командиры отделений считали потери, Василий решил прикинуть потери немцев. На скошенном лугу и в реке он насчитал 164 тела. Можно было предположить, что в овсах артиллеристы и минометчики наколотили еще столько же. Плюс побитые расчеты пушек и минометов – примерно 80 человек. Итого – около четырехсот.

Минометчики потерь не понесли, у Сидорова был один раненый. Стрелки потеряли 4 человека убитыми и 6 ранеными. Приняв доклады командиров, Иванов объявил всем благодарность. Несмотря на потери, у всех и так рот был до ушей. Такого начала войны никто не ожидал. Так воевать можно! Младлей пошел докладывать комбату.

Выслушав доклад, комбат помолчал, а потом спросил:

– А ты не привираешь, «Ерш-2»?

– Все точно, «Окунь-2»: 6 разбитых «острог» и «жерлицы» в бинокль видно на опушке, 160 «пескарей» лежат на лугу, их и без бинокля видно.

– Ладно, – сказал комбат, – постарайся взять еще «красноперых» «пескарей», высылаю за «красноперыми» «лодку». Объяви всем благодарность. «Окуню-23» передай фамилии отличившихся, будем представлять к наградам. Отбой связи.

Выйдя из дзота, младлей послал третье отделение с санитарями за реку подобрать трех раненых немцев. Чтобы какой-нибудь недобитый фашист не вздумал стрелять, приказал покидать мины по краю овса. Вставшие над полем разрывы еще раз показали немцам, кто в поле хозяин. Если кто стрельнет, то искрошат в хлам всех. Сбор пленных прошел без эксцессов. Подобрали двух легко раненых рядовых и одного целехонького унтер-офицера. Он гад, залег в речке за кочкой и думал притвориться мертвым, но, опустив в воду голову, долго без движения не пролежишь. Попутно собрали еще штук 15 автоматов и много магазинов с патронами.

Санинструктор перевязал своих раненых, и подготовил их к отправке. Погибших бойцов отвезли в лес в хозчасть.

Через 10 минут подъехал Колесников. Наших раненых и немцев погрузили в кузов. Замкомбата вместе с Ивановым прошли по окопам и поздравили бойцов с удачным боем. Передали обещание комбата представить отличившихся к наградам. Василий написал короткое донесение с фамилиями обеспечивших исход боя подавлением вражеской артиллерии и минометов Петрова и Сидорова и передал Колесникову.

Младлей поинтересовался, что делать с остальными ранеными немцами, которых было еще много в поле. Капитан Колесников задумался. Однако, додумать мысль до конца не успел. Прибежавший связной срочно вызвал их на НП. В двух с половиной километрах к западу и к востоку из леса выдвинулись длинные колонны немецкой пехоты и в пешем порядке двинулись через поле. Рассмотрев колонны в бинокли, командиры определили, что тяжелого оружия немцы при себе не имели – только пулеметы и легкие минометы. Прикинув их численность, Колесников сказал:

– Вот тебе и ответ насчет раненых немцев. С флангов тебя обходят два свежих батальона пехоты. Еще один, сильно потрепанный, сидит в лесу напротив тебя. Итого – перед тобой целый пехотный полк. Так что, своих раненых немцы подберут сами. Думаю, эти два батальона обойдут тебя, и пойдут на Юрбаркас, к мосту через Неман. А ты держись сколько сможешь, но особо не геройствуй. Если сильно прижмут, взрывавай мост и отходи в лес. Обозников с лошадьми отправляй в тыл прямо сейчас. Дав эти последние ценные указания, капитан укатил в батальон. Василий глянул на часы – 13-07. День еще только начался.

К сожалению, Колесников угадал намерения немцев только наполовину. Через полтора часа из штаба батальона передали, что противник атаковал опорный пункт у села Кидуляй, в четырех километрах севернее. Однако, другая часть немцев стала накапливаться в лесу в тылу гарнизона. Там, где раньше была хозчасть. Очевидно, немецкое командование не оставляла надежда захватить мост через Йотию, чтобы через него выйти по кратчайшему пути к мосту через Неман. Иванов приказал готовиться к отражению атаки пехоты с тыла.

В 14-42 со стороны дальнего леса донесся звук орудийного выстрела. Затем с большим недолетом и отклонением вправо разорвался снаряд. Иванов и стоящие рядом с ним в окопе Сидоров с Петровым схватились за бинокли. Секунд через 15 послышался новый выстрел – большой перелет. Только пятый снаряд разорвался в кольце окопов.

– Орудий не видно, резюмировал Василий. Что скажешь Иван, откуда они бьют? – обратился он к Сидорову.

– Судя по силе разрывов и по интервалу времени между звуком выстрела и разрывом – это полковая трехдюймовка. Стреляет видимо, из леса.

Шестой выстрел снова лег с отклонением вправо и с перелетом. Седьмой – с недолетом.

– Это пристреливается другая пушка. Раз они пристреливаются так долго – значит, стреляют с закрытой позиции. Наводчики нас не видит, а поправки к стрельбе им дает корректировщик. Скорее всего, стреляют с опушки леса. По краю опушки растут кусты, за ними, наверное, и стоят орудия. А стреляют они между стволами деревьев, навесным огнем через кусты. Поэтому мы их и не видим, – сделал вывод младлей Сидоров.

– Значит, они тащили пушки с дороги через лес на руках, ведь упряжка или тягач через лес не пройдут, – дополнил друга Петров.

– Через лес полковую пушку и на руках далеко не укаатишь – она 600 килограммов весит, – продолжил Сидоров.

Ну, точно! – воскликнул Иванов. – Если они пушки от дороги катили через лес на руках, значит, пушки стоят не дальше 100 метров от дороги. А раз мы их не видим, значит они стоят в 30 – 40 метрах от края опушки.

Пока командиры дискутировали, у немцев пристрелялась уже четвертая пушка. Начала пристрелку пятая.

– Значит, у них две батареи – сделал очевидное умозаключение Сидоров.

– Как пристреляется вторая батарея, начнется артподготовка.

– Слушай боевой приказ! – напряженным голосом скомандовал Иванов,

– Артиллерии подавить пушки противника справа от дороги, минометам – подавить пушки слева от дороги. Расположение пушек противника – от 30 до 40 метров от края леса и на 100 метров в обе стороны от дороги. Темп стрельбы – максимальный!

Сидоров и Петров рванулись к своим расчетам. Счет времени шел на секунды.

– Командирам отделений – рассредоточить личный состав по блиндажам. Блиндажи минометчиков и артиллеристов занять тоже! В окопе оставить по одному наблюдателю от отделения. Бегом, марш! – Скомандовал младший лейтенант Иванов сержантам, ожидавшим команды рядом в окопе.

Сам Василий приник к биноклю, стараясь разглядеть эти чертовы пушки на опушке. Но увидел только разрывы своих мин и снарядов в глубине опушки. В отличие от немцев, Петров и Сидоров пристрелялись сразу. У немцев закончила пристрелку восьмая пушка. Наступила небольшая пауза. Затем с секундным интервалом донеслись два слитных батарейных залпа.

От разрыва вздрогнула земля и заложило уши. По брустверу ударили осколки. Горизонт заволокло дымом и пылью. Через 5 секунд грохнул второй залп. Наши пушка и минометы, однако, не снижали темп стрельбы. Через пять секунд – третий залп. Немцы взялись за них всерьез.

Надеюсь, что все стрелки уже попрятались в блиндажах, – подумал Василий. Рассудив, что было бы глупо погибнуть не за понюх табаку, он вместе со связным нырнул в дзот. Сержанту Васильеву приказал обрабатывать из ДШК опушку леса справа от дороги. От пыли и дыма из дзота уже ничего не было видно, но опушку расчет пулемета пристрелял давным-давно. Грохот ДШК показался слабым на фоне разрывов.

За минуту Василий насчитал одиннадцать залпов. От близких разрывов дзот встряхивало. И, как следует, трянуло от прямого попадания в бетонную плиту перекрытия. Плита выдержала. От акустического удара все на время оглохли. Василий спустился вниз и потребовал связь с батальоном. Связи не было.

– Видимо, разрывом сорвало антенну, предположил радист.

– Как кончится артобстрел, сразу давай связь, – приказал Иванов и вылез наверх. Под грохот разрывов Василий вновь и вновь прокручивал в голове боевой приказ. При отсутствии связи со штабом батальона основанием для подрыва моста была атака превосходящих сил противника. Он не сомневался, что после такого мощного артобстрела атака последует. И именно превосходящими силами. Основанием для отхода в приказе назывались угроза окружения, массированный артобстрел и потери более 30% личного состава. Все эти основания уже имелись в наличии. Иванов сомневался, что после такого артобстрела у него останется хотя бы половина бойцов. Следовательно, можно взрывать мост и отходить! Только, как и куда? Сзади в лесу – немцы! Хочешь – не хочешь, надо держаться до темноты, и только потом прорываться!

Артобстрел продолжался ровно 10 минут. Немцы выпустили не менее 100 снарядов на орудие. Внезапно наступила тишина. Отсчитав 10 секунд без разрывов, Иванов скомандовал:

– Сержант Конюков и боец Дубков, за мной!

Затем распахнул тяжелую дверь дзота и выбежал в ход сообщения. Командир опорного отделения и связной не отставали. Перед выходом в ближний кольцевой окоп ход был обрушен и до половины засыпан близким разрывом снаряда. С этой точки Василий огляделся. Висящая в воздухе пыль и гарь ограничивали видимость тридцатью метрами. Едва угадывался внешний кольцевой окоп. Вид местности разительно изменился. Кругом виднелись воронки. Все высаженные кусты выкосило осколками. Зеленой травы вообще не было. Выбросы грунта из воронок засыпали всю зелень. Времени на раздумья не было. Вот-вот должна была начаться атака.

– Конюков! Бегом по внешнему окопу! Всех бойцов из блиндажей в тыл и на левый фланг! Встречаемся у блиндажа опорного отделения! Всех командиров отделений туда!

– Дубков! Бегом к блиндажам артиллеристов и минометчиков! Всех бойцов на правый фланг и в тыл! Встречаемся там же! Приготовиться к отражению атаки с тыла и флангов! Марш!

Василий надеялся, что на фронте и на правом фланге немцев прижмут пулеметы дзота. Поэтому, в первую очередь надо было прикрыть тыл и левый фланг.

Сам Иванов побежал по ходу к позициям минометчиков. В двух местах ход был перекрыт воронками и почти полностью засыпан. Один минометный дворик, к счастью пустой, был накрыт воронкой, в другом он с радостью увидел работающий расчет миномета. Один боец лежал неподвижно. Убит, сразу понял Василий.

– Прекратить огонь! – скомандовал Иванов и побежал дальше. В следующем дворике обнаружился второй работающий расчет вместе с Петровым. У одного из бойцов была перевязана рука, у другого – голова.

– Костя, кончайте пальбу, тащите мины из блиндажа, сейчас немцы от леса ползут! – Чтобы Петров понял, пришлось орать ему прямо в ухо. Засыпанный землей и оглушенный Петров понял не сразу, но потом закивал и заорал в ответ:

– Пришли двух бойцов, у меня один убитый и двое раненых!

– Сделаю, – ответил Василий и рванул дальше.

У капонира артиллеристов он остановился. Сердце сжалось. Капонира не было. Не было друга Сидорова. Прямое попадание. Самодельный капонир не выдержал. Снаряд пробил земляную насыпь и разорвался внутри бревенчатого перекрытия. Бревна разбило и вмяло внутрь капонира. Куски расщепленных и измочаленных бревен торчали во все стороны. Не уцелел никто. Лейтенант стянул каску и секунду постоял неподвижно. Затем огляделся. Довольно свежий ветер, дувший с запада начал относить гарь в сторону. На правом фланге он увидел внешний ряд колючей проволоки и в 100 метрах за ним густую цепь немцев. Бившие с закрытой позиции полковые пушки немцев давали довольно большой разброс, и в поле между внешним и внутренним кольцами «колючки» виднелись многочисленные воронки. Поэтому немцы и не смогли подойти ближе во время артобстрела. Одновременно с Василием немцев увидели из дзота, и «максим» залился длинной непрерывной очередью. Немцы залегли. Иванов побежал дальше к блиндажу опорного отделения, выходящему во внешний кольцевой окоп в левой тыловой части опорного пункта.

Выскочив к блиндажу, он с облегчением увидел в сборе весь комсостав, кроме командира второго отделения Власенко.

– Где Власенко? – сразу обратился он к Дементьеву.

– Правый пулеметный блиндаж разбит. Прямое попадание в амбразуру. Власенко и четверо бойцов погибли.

– Артиллеристы и Сидоров погибли тоже, – сообщил Василий. Затем продолжил:

– Горевать будем потом! Сейчас немцы атакуют! На правом фланге их прижал «максим».

На фронте ДШК и ручной пулемет из левого блиндажа пока справятся. Сейчас главное удерживать тыл и левый фланг! Дубинин – тебе левый фланг, Дементьев – тебе тыл. Конюков, собери остатки отделения Власенко и прикрой правый фланг. Автоматчиков держите в резерве. Огонь из автоматов, только когда немцы подойдут к ближней «колючке». Если ползут через ближнюю «колючку» – тогда гранатами! Действуйте!

Сам Василий пошел к минометчикам. По дороге конфисковал у Дубинина двух бойцов.

– Вот тебе усиление, – сказал он Петрову,

– Пусть хоть мины из блиндажа подносят. А Сидоров погиб со всем расчетом.

– Я видел, – ответил Петров, – их накрыло в самом конце артподготовки. Но погибли они не зря! Под конец немцы давали в залпе только 6 снарядов, а не 8. Две пушки мы все-таки накрыли.

– Ну, тогда вы вообще молодцы! И артиллеристы тоже!

Завесу гари тем временем отнесло дальше, и стали видны две густые цепи немцев, подходящие со стороны леса к внешней «колючке». По ним уже молотили ручные пулеметы отделения Дементьева.

– А вот и тебе цели! Главные силы немцев идут с тыла, давай, лупи по ним, хватит им гулять, как на параде.

Затем Василий побежал на левый фланг к Дубинину. Пока добежал, открылась и цепь немцев на левом фланге. Бойцы Дубинина уже обрабатывали ее. «Дегтябрь» и два трофейных «ручника» стрекотали, как швейные машинки. Немцы залегли и здесь. Но, тем не менее, они и не думали останавливаться.

Залегшие с трех сторон немцы вели плотный огонь по позициям взвода, и продолжали упорно переползать вперед. Над головами густо свистели пули, звучно шлепая в брустверы. Василий видел как падали на дно окопа его бойцы.

– Ну, гады, – подумал он, – своим перекрестным огнем вы больше своих положите, чем наших. Словно услышав его мысли, немецкая пехота на флангах прекратила продвижение вперед и начала окапываться перед внешним кольцом колючки.

– Понятно, – сделал вывод Иванов, – с флангов будут держать нас под перекрестным огнем, а атаковать с тыла.

И, правда, с тыла немцы уже проползали за внешнюю «колючку». На минное поле надежды уже не было. Часть мин, наверняка, сдетонировала при артобстреле, другие засыпало слоем выброшенной разрывами земли, и они уже не работают.

В довершение бед на позициях взвода встали столбы минных разрывов. Глянув на опушку леса, Василий увидел, что немцы, как и в прошлый раз, в открытую выставили минометы на опушке. Он насчитал 8 штук. С четырехсот метров немецкие минометы били убийственно точно.

Иванов сразу понял замысел немецкого командира. Перекрестным огнем с флангов прижать его бойцов в окопах, чтобы не могли высунуться, и перебить в окопах минами. Затем смять остатки взвода одновременной атакой пехоты с трех сторон. В первый раз с начала боя лейтенант испугался. Испугался не за себя, а за исход боя. До сих пор, он не сомневался, что взвод снова отобьет немцев.

«При угрозе захвата противником взорвать мост», – молнией вспыхнула в мозгу строка из приказа. Где пригнувшись, где на четвереньках, где ползком, Василий изо всех сил зашепшил к дзоту. Густо свистевшие над брустверами пули и осколки не позволяли даже высунуться. По дороге завернул к минометчикам. В дворике первого миномета увидел Петрова, бесстрашно корректировавшего огонь расчета. Выглянув за бруствер, Василий увидел, что Петров правильно оценил обстановку, и сам перенес огонь на немецкие минометы. Два из восьми уже были разбиты. Решив не отвлекать Петрова, он поспешил дальше. Влетев в дзот, кубарем скатился в нижний отсек, достал из под стола радиста подрывную машинку и трижды резко крутанул рукоятку. Даже в дзоте взрывная волна больно ударила по ушам.

– Связь есть? – вопрос радисту.

– Есть!

– Передай в батальон: после массированного артобстрела противник атаковал с тыла и флангов силами до батальона при поддержке минометов. Мост взорвали. Имеем большие потери. Да смотри, передавай кодом!

Поднявшись на верх, огляделся. Расчет «максима» менял воду в закипевшем пулемете. Расчет ДШК бездействовал.

– Что немцы? – Спросил у Васильева, командира расчета ДШК.

– Вытаскивают раненых с поля в овес. Атаковать не пытаются. По санитарам не стреляем.

– Правильно! У нас наверху большие потери. Забираю у тебя третьего номера. Ты остаешься в дзоте за старшего. Если потребуется, используй радиста как третьего номера, – отдав необходимые распоряжения, Иванов выскочил в окоп.

Первым делом поглядел на мост. Тучу дыма и пыли уже отнесло ветром. На месте береговых опор и посередине насыпи виднелись глубооченные воронки. Саперы потрудились на славу. Глубоко закопанные, три заряда по десять килограммов тола разнесли мост вдребезги. В этот момент Василий обратил внимание, что стрельба значительно ослабела. Посмотрев на немцев,

он увидел, что пехота отползает от «колючки», минометчики оттааскивают уцелевшие минометы в лес. Ответная стрельба взвода тоже затихла. Ну, это было как раз понятно. У пулеметчиков кончился запас снаряженных дисков и лент. лейтенант понял, что немецкий комбат, потеряв возможность захватить мост целым, решил побережь людей. Гарнизон огрызнулся слишком больно.

Обессиленный, Василий опустился на дно окопа, и некоторое время сидел неподвижно. Затем приказал глядевшему на него с ожиданием третьему номеру ДШК, фамилию которого запомнил:

– Давай бегом по окопам, собери всех командиров к дзоту. Пусть доложат о потерях.

Поглядел на часы. Было 15 часов 44 минуты. Казалось, с рассвета прошла уже вечность, а день едва перевалил за полдень.

– Хорошо хоть часы не остановились от сотрясений, – подумал младший лейтенант.

Начали собираться командиры отделений. Вместо Петрова пришел командир расчета старший сержант Онищенко.

– Что с Петровым? – предчувствуя недоброе, спросил Иванов.

– Погиб наш лейтенант. Вместе со всем расчетом. Прямое попадание мины в дворик. Немцы стреляли очень точно. Наверное, у них корректировщики сидели на деревьях, и видели наши позиции. Но и мы четыре миномета у них разбили!

Сердце Василия сжалось. Вот и остался я один из трех друзей – младших лейтенантов, с горечью подумал он. Жалко Костю. Жалко Ивана.

Командир гарнизона оглядел остальных. У замкомвзвода Конюкова левое предплечье забинтовано, рука висит на перевязи. У обычно щеголеватого сержанта гимнастерка и галифе порваны во многих местах, залеплены землей. Лицо бурое и закопченное, только голубые глаза блестят. Другие выглядят не лучше. У Власенко забинтована голова под каской.

– Доложите о потерях. Начнем с Онищенко.

– Быстрее доложить, кто в строю. Кроме меня – один легкораненый минометчик, и один присланный боец. Один минометчик тяжело ранен.

– В первом отделении в строю четверо бойцов, из них двое легкораненых, двое тяжелых, остальные убиты, – доложил Конюков.

– Во втором отделении в строю двое, один тяжелораненый, – сообщил принявший второе отделение Дементьев.

– В третьем отделении в строю трое бойцов, из них двое легкораненых, трое тяжелых – доложил Власенко.

– Итого в строю 15 штыков, включая легкораненых, плюс шестеро в дзоте и я сам. Всего, значит 21 штык. Санструктор цел?

– Здесь я, товарищ лейтенант, – отозвался младший сержант Воронин из-за спин командиров.

– И я цел, – послышался голос завхоза Прохорова.

– Ну, если завхоз цел, значит, не пропадем, – пошутил Василий.

– Прохоров, пока передышка, раздай бойцам сухой паек и воду. Действуй.

– Воронин, не сиди здесь. Всех тяжелораненых перенеси в блиндаж артиллеристов. Он целый. Я видел. И ближе других к дзоту. После тяжелораненых займись легкоранеными. Быстро.

– Товарищи командиры! – официально обратился Иванов к оставшимся.

– Мы выдержали уже второй тяжелый бой. Первую задачу командования мы выполнили. Мост врагу не отдали. Теперь мы можем отходить к своим. Но, сейчас отходить нельзя. В тылу за нами потрепанный батальон немцев. Немцы на нас сильно злые за потери и за мост. Если выйдем из окопов, нас сразу же обнаружат и перебьют в поле. Значит, надо продержаться до темноты, а потом, по тихому уходить. Так и приказывает нам командование.

Думаю, немцы нас в покое не оставят. Им нужно восстанавливать мост. Скорее всего, они повторят артподготовку, затем снова атакуют. Для артподготовки им нужно подвезти снаряды к пушкам. Сколько у нас времени? Не знаю. Может час, может полтора. Сейчас, как бойцы поедят, готовимся к отражению атаки. Сектора обороны отделений те же. Собрать все оружие, почистить. Снарядить диски, ленты, магазины. У каждого стрелка должно быть по винтовке и по автомату, по десятку гранат. Потом, если будет время, восстановить стрелковые ячейки для каждого бойца.

План обороны такой. На время артобстрела рассредоточиться по всем блиндажам. Я буду в дзоте. Из тяжелого оружия у нас остались ДШК, миномет и ПТР. Оставшиеся мины рассредоточить в два блиндажа. В левом пулеметном блиндаже «дегтярь» и ПТР. После артобстрела отражаем атаку. Огонь из автоматов открываем только когда немцы будут в 20 метрах от внутренней «колючки». Когда будут переползать под «колючкой», закидываем их гранатами. Гранат не жалеть! У нас их много. Если, несмотря ни на что, немцы подойдут совсем близко, и начнут забрасывать внешний окоп гранатами, сразу отходим во внутренний кольцевой окоп. В нем тоже подготовить стрелковые ячейки и в них запас гранат. Тут будем биться до последнего.

– Онищенко, огонь из миномета по обстановке. Главные цели – минометы и пулеметы.

– В дзоте главный – Васильев. Как начнется бой – дверь на засов. И держитесь. Несмотря ни на что. Помни, главное – не давать немцам восстанавливать мост.

– Конюков, на тебе, по прежнему, правый фланг. Бронебойщику скажи, чтобы стрелял из левого блиндажа по пулеметам и грузовикам, если появятся. Если не появятся, пусть работает на «дегтяре».

– Ну, с богом, парни. Если надо, умрем за Родину. Но, я очень надеюсь, продержимся дотемна. Сейчас 16-10. Осталось продержаться семь часов.

Командиры разошлись по местам.

На самом деле Василий понимал, что шансов мало. Если бы у немцев не было артиллерии, то против пехоты, возможно, и продержались бы. А так – еще одна артподготовка, и в строю почти не останется бойцов.

– «Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний парад наступает...», – всплыла сама собой в памяти строка из бессмертной песни.

Нужно было доложить комбату. Для доклада следовало определить потери противника. С опушки леса постреливали пулеметы. Лейтенант уже не обращал на них внимания. Выглянув через бруствер, он примерно подсчитал тела немцев напротив правого фланга. Многие из них были ранены, стонали, что-то кричали и пытались отползти к своим. Их не добивали. Получилось 53 тела. Затем он сменил позицию и подсчитал их на левом фланге и в тылу. Получилось 42 и 102. Всего 197. Плюс побитые минометчики на опушке.

Василий направился к радисту и приказал соединить с батальоном. Доложил комбату потери, свои и противника. Комбат очень хвалил и пообещал представить весь личный состав гарнизона к наградам. Приказал держаться дотемна, ночью прорываться к батальону. Сообщил, что все опорные пункты второй линии пока держатся. До Юрбаркаса противник еще не добрался. Отбой связи.

Бойцы в дзоте обедали. Пожевав вместе с ними тушенки с хлебом и запив холодной водой, Василий решил обойти позиции. Весь личный состав был при деле. Бойцы снаряжали магазины, углубляли ячейки. Порадовало, что никто не паниковал и не предавался отчаянию. В настроениях преобладали злость и сосредоточенность. Трудно пришлось только в блиндаже с тяжелоранеными. Лейтенант твердо пообещал бойцам, что ночью, когда пойдут на прорыв, вынесут всех. Иванов был уверен, что до ночи вряд ли доживет, потому дал обещание без всяких угрызений совести. Раненых надо было подбодрить. Кроме того, он очень надеялся, что немцы не будут добивать раненых. Они сами ведь не добивали раненых немцев перед «колючкой».

Василий не мог знать, что отведенная им судьбой передышка заканчивается. К 14-30 саперы 122 дивизии построили через Шешупе западнее Славикая помимо легкого понтонного моста, наведенного утром, еще и грузоподъемный деревянный мост, по которому уже переправили дивизионную артиллерию. Три батареи 105-мм гаубиц уже заняли позиции за лесом в четырех километрах южнее. Батарейные корректировщики разворачивали свои радиостанции на опушке леса за полем.

В 16-53, Василий автоматически засек время, над головами басовито провыл снаряд, и разорвался с перелетом на 150 метров и отклонением по азимуту влево на 120 метров. Разрыв был значительно сильнее, чем от полковой трехдюймовки. Василий послал по окопам связного с командой:

– Приготовиться к артобстрелу!

В отличие от полковых, немецкие дивизионные артиллеристы стрелять с закрытых позиций умели. Уже третий снаряд дал накрытие. Пристрелка заняла две минуты. Вторая и последующие пушки накрывали опорный пункт уже вторым снарядом. Василий подсчитал, что всего провели пристрелку 12 орудий – три батареи.

– Ну, сейчас они нам и врежут! – успел подумать он, ныряя в дзот. Сразу приказал радиосту передать в батальон:

– Противник начал артподготовку тремя батареями дивизионной артиллерии.

Затем грохот разрывов первого залпа ударил по ушам и встряхнул дзот. За гарнизон дзота он не беспокоился. Прямое попадание в амбразуру – дело слишком маловероятное, чтобы повториться еще раз. А попадание в перекрытие дзот, по уверению полкового инженера, должен был надежно выдержать. Волновался Василий за блиндажи. Их – то четырехдюймовый снаряд мог пробить. Немцы давали пять залпов в минуту.

На пятой минуте снаряд врезал-таки в перекрытие. Дзот сильно трянуло, с потолка и со стен между бревнами посыпался песок. Все на минуту оглохли. На десятой минуте снаряд взорвался рядом с левой стеной дзота. Верхние венцы бревен ощутимо сдвинулись вправо. Снова посыпался песок. Но дзот выдержал.

Артобстрел продолжался 15 минут. 12 умножить на 5 и на 15 это будет 900, с трудом ворочая мозгами после легких контузий от попаданий в дзот, подсчитал Иванов. 900 здоровенных четырехдюймовых снарядов на один маленький взвод.

Однако, дорого мы обходимся немцам, – про себя усмехнулся Василий, пытаясь открыть дверь. Дверь не поддавалась.

– Завалило, сообразил Иванов, и приказав расчету откатить «максим», нырнул в амбразуру. Связной вылетел следом за ним. Плотная завеса дыма и пыли закрывала все вокруг. По ходу сообщения они выскочили на правый фланг. Василий послал связного налево по окопу с приказом собрать командиров у блиндажа опорного отделения. Сам пополз по линии окопа вправо. Это была именно что линия. Наверное, половина длины окопа была перекрыта воронками и засыпана выбросами грунта. Плотность воронок была значительно выше, чем после первого артобстрела. Дивизионная артиллерия немцев стреляла намного кучнее, чем полковая.

Застучал «максим».

Ага, значит, снова атакуют с правого фланга, сообразил Иванов, переползая очередную воронку. Блиндаж третьего отделения оказался разбит. В нем должны были быть Конюков с двумя бойцами.

– Светлая им память, – подумал Василий. Затем завернул к минометчикам. Онищенко с двумя бойцами тащили из блиндажа миномет.

– Поставим в дворике для ДШК, – прокричал Онищенко, – все минометные дворики разбиты! Один блиндаж с минами уцелел!

Иванов пополз дальше. На тыловой стороне встретил Дементьева и трех бойцов, готовившихся открыть огонь из своего и трофейного ручных пулеметов.

– Слава богу, – эти живы, мелькнула мысль. У блиндажа опорного отделения встретил связного.

– Дубинин и четверо бойцов с ним на левом фланге живы, – доложил боец.

– А где Прохоров и Воронин? – спросил Василий.

– Они были в арсенальном блиндаже. Блиндаж разбит. Видимо погибли.

– Все ясно. Пошли на правый фланг, там никого нет. Будем вдвоем держать оборону. У бойца была СВТ. У Василия – ППД. По дороге Василий подобрал чью-то СВТ и подсумок с патронами.

Выйдя на правый фланг, нашли две целые стрелковые ячейки с запасом гранат, и заняли оборону. Василий посмотрел за бруствер. «Максим» держал немцев за колючкой. В тылу и на левом фланге застучали «дегтяри». Иванов отличал их по звуку. Захлопал миномет.

Взвод принимал свой последний бой.

Приглядевшись, Василий понял, что на этот раз немцы подошли вплотную к внешней «колючке» во время артобстрела, пользуясь тем, что почти все снаряды ложились внутри ближнего круга «колючки», и успели подготовить индивидуальные ячейки для стрельбы лежа. Теперь, прикрываясь брустверами ячеек, они вели плотный прицельный огонь, не пытаясь продвигаться вперед. Подстрелить их в ячейках значительно труднее.

Иванов прицелился из СВТ, дважды выстрелил, затем нырнул в окоп, прячась от густо хлестнувших по брустверу пуль. Переждал, затем снова высунулся и выстрелил. И едва не расстался с жизнью. Одна из пуль ударила по каске, слегка оглушив лейтенанта. Подняв слетевшую каску, увидел справа повыше виска длинную горизонтальную борозду, прочерченную пулей.

– Повезло, – подумал Василий, – на два сантиметра левее и каюк!

Посмотрев на связного, увидел, что тот лежит на боку. Подполз к нему, перевернул, и увидел дырку в каске на лбу.

– А Пахомову не повезло, – ему наконец вспомнилась фамилия третьего номера ДШК.

Грохнули четыре минометных разрыва. Младлей глянул за бруствер на опушку леса, но ничего не увидел. На этот раз немцы, видимо, установили свои минометы за кустами. Поскольку немцы на правом фланге не переползали, Василий сделал вывод, что они будут атаковать с тыла. При поддержке минометов и пулеметного огня с флангов. Значит, нужно было перемещаться на тыловую сторону к Власенко. Закинув за спину автомат, Василий засунул две гранаты в карманы галифе, две лимонки взял в руки и пополз.

Когда он добрался до внутреннего окопа, с тыла донеслись частые разрывы гранат. Бойцы Дементьева вступили в ближний бой. В дворике ДШК обнаружил разбитый миномет и посеченный осколками расчет. Прямое попадание. Разрывы немецких мин между тем прекратились.

Выглянув за бруствер, Иванов увидел в дыму набегающих с тыла немцев. Они уже перепрыгивали внешний окоп. Дав длинную очередь во весь рожок, он бросил в них все свои четыре гранаты. И быстро пополз к дзоту. На левом фланге застучал «дегтярев». Это бронбойщик, поняв, что дело плохо, вылез из блиндажа и встретил немцев огнем. Отстреляв диск, «дегтярев» смолк.

Неужели все погибли?? – мелькнула мысль. Гранатных взрывов больше не было слышно. Только автоматы трещали. Проскочив одну за другой три воронки, Василий подполз справа к продолжавшей плевать огнем амбразуре «максима».

– Васильев! Это я, Иванов, – прокричал он в амбразуру. – Уберите «максим», я влезу в дзот! – Очереди прекратились. Выждав пару секунд, Василий нырнул в амбразуру. Прислушался. Стрельба наверху стихла.

– Плохо дело, парни. Фашисты захватили опорный пункт. Весь взвод погиб, – сообщил младлей смотревшим на него с ожиданием бойцам.

– Не ссыте! Мы еще повоюем! – прокричал Василий, увидев побледневшие лица бойцов.

– Васильев! Что с патронами?

– Для ДШК патронов еще полно, для «максима» меньше, но тоже еще есть.

– Гранаты есть?

– Гранат пять ящичков «лимонок», два ящичка РГ и два противотанковых, – доложил сержант.

– Живем! Что со связью?

– Связи нет. Наверное, опять антенну перебило.

– «Максим» на место, – скомандовал лейтенант, – гранаты подымите снизу наверх.

– Боец Заикин! Боец Дудко! – обратился он к вторым номерам пулеметных расчетов,

– Смотрите за мной!

Взяв в руки гранату «Ф-1», Иванов громко отсчитал до пяти, затем выдернул чеку, отпустил рычаг запала, отсчитал до трех и выбросил ее в правую амбразуру. Граната почти сразу грохнула. Взял вторую, досчитал до десяти, выдернул чеку, отпустил рычаг, досчитал до трех и бросил в лобовую амбразуру.

– Вот так и действуйте. Отсчитывайте любое число от 10 до 20. Выдергиваете чеку и отпускаете рычаг. Затем считайте до трех и бросайте. Только не бросайте в обе амбразуры одновременно.

Снаружи послышались недовольные крики немцев. Затем перед амбразурами разорвались сразу несколько гранат, потом еще и еще. О щиток ДШК ударился осколок. Коверкая слова, какой-то фашист прокричал:

– Рус! Сдавайся! Плен. Карошо! Граната, амбразура, тебя убивать!

В ответ из дзота вылетела еще одна граната. От немцев – еще с десяток. Поскольку немцы кидали гранаты с большого расстояния и из «мертвых зон», попасть гранатой в амбразуру они никак не могли, а осколки попадали в щитки пулеметов. Какой-то немец попытался подползти по окопу и бросить гранату прямо в амбразуру, но его срезал из «максима» бывший начеку первый номер. Настроение у бойцов поднялось. Такая «игра» продолжалась минут десять.

– Товарищ лейтенант! Посмотрите! – позвал сержант Васильев. Иванов посмотрел в лобовую амбразуру и очень удивился. Из дальнего леса выдвинулась колонна автомашин. Взяв у Васильева бинокль, Иванов насчитал 12 грузовиков. На шести передних ехали солдаты, шесть последних везли штабеля бревен.

– Похоже, фашисты едут мост ремонтировать, – с искренним изумлением проговорил Василий.

– То ли они думают, что у ДШК патроны кончились, раз мы по санитарам не стреляли, то ли немецкий комбат доложил в штаб, что опорный пункт полностью захвачен? – вслух размышлял младлей.

– Васильев! Давай коробки с зажигательными! По грузовикам будет в самый раз!

Последнее предположение младшего лейтенанта было правильным. Штаб немецкой дивизии, получив ретранслированный из полка доклад командира батальона о взятии опорного пункта, не обратил внимания на уточнение: кроме одного полуразбитого дзота. Командир дивизии очень хотел как можно быстрее приступить к ремонту моста и дал команду выдвигать полроты саперов, уже подготовивших все необходимое для ремонта. Колонна грузовиков двигалась вперед, не обращая внимания на доносившиеся со стороны опорного пункта разрывы гранат. Метров за 600 грузовики остановились. Видимо, командовавший саперами офицер решил все-таки выяснить причины гранатной канонады.

Дистанция для крупнокалиберного пулемета была убойной, а остановившиеся грузовики – превосходной мишенью. Упускать такой момент было грешно.

– Огонь! – скомандовал Иванов.

ДШК затрясся на станке, заглывая ленту. Длинная трассирующая очередь хлестнула по передним грузовикам, выметая саперов из кузовов. Те, как зайцы выпрыгивали через борта

и разбегались по кюветам. Когда все уцелевшие немцы залегли, Васильев стал поливать, как из шланга, грузовики. Одну за другой отстрелял три ленты. Через несколько минут все грузовики весело полыхали.

Все это время пехота забрасывала дзот гранатами, по-прежнему без всякого вреда для бойцов Иванова. В ответ из амбразур вылетали гранаты, удерживая немцев на дистанции.

После расправы над саперами возобновилась вялая переброска гранатами. Сдаваться в плен немцы больше не предлагали. Василий спустился вниз, продиктовал радисту донесение и приказал передать сообщение «морзянкой» в надежде, что в батальоне услышат передачу через огрызок антенны. Затем занялся уничтожением документов.

Мощный взрыв потряс дзот до основания. Немецкие саперы заложили 15 килограммов тротила у левого заднего угла дзота, где земляную обсыпку сруба снесло близким разрывом четырехдюймового снаряда. Бетонную плиту взрывом сдвинуло на полметра вперед и вправо. Угол наружного сруба и глиняно-каменную засыпку между срубами разметало в стороны. Весь внутренний сруб перекосялся вперед и вправо. Толстые доски обшивки обеих амбразур треснули и провисли. Все находившиеся в боевом отсеке получили тяжелую контузию.

Входную дверь сорвало с петель и бросило на люк, ведущий в нижний отсек. Иванова и радиста в нижнем отсеке тоже контузило. Подойдя с опаской к дзоту, немцы забросили в амбразуры четыре ручных гранаты и две противотанковые. Осколки убили наповал четырех контуженных бойцов. В нижний отсек гранаты и осколки не попали. Спасла толстая и тяжелая дверь. Лезть в дзот немцы не рискнули, потому что треснувшие доски обшивки амбразур могли обвалиться в любой момент.

В 17 часов 50 минут командир 2-го батальона майор Граас доложил в штаб 215 полка, что «проснувшийся» русский дзот окончательно подавлен. В 18-30 два саперных взвода приступили к восстановлению моста и насыпи.

Примерно в 20-40 радист Петр Лукашенко очнулся в нижнем отсеке дзота. Еще через полчаса ему удалось привести в чувство младшего лейтенанта Иванова, у которого это была уже третья контузия за день. Около 10 часов вечера им удалось общими усилиями отодвинуть упавшую дверь с люка и выбраться в боевой отсек. Оба пулемета были неисправимо повреждены осколками. Иванов принял решение не ввязываться в бой, а ждать темноты и уходить к своим.

При разминировании территории опорного пункта саперы нашли и взяли в плен двух легко раненых и контуженных бойцов взвода, засыпанных землей при разрывах снарядов. Других пленных не было. Во время последнего штурма пехотинцы, обозленные сопротивлением, добились всех раненых. Все уцелевшие блиндажи, включая блиндаж с тяжелоранеными, закидали гранатами. В 22-45 саперы восстановили мост. Подразделения 122 дивизии начали движение на Юрбаркас.

В 12 часов ночи, когда окончательно стемнело, Иванов с Лукашенко выбрались из дзота через лобовую амбразуру. По дороге через мост непрерывным потоком двигались машины и повозки. Однако, на территории опорного пункта охранения не было. Они отползли по дну лога вдоль речки примерно на два километра вверх по течению, затем повернули на север к Неману. После долгого ожидания им удалось пересечь автодорогу Шакяй – Юрбаркас в небольшом промежутке между непрерывно следовавшими по ней подразделениями немцев. Перед рассветом они вышли к Неману и переплыли его на бревне. В 7 часов утра они благополучно добрались до опорного пункта их собственного полка у поселка Гирджай в 10 километрах севернее Юрбаркаса.

К концу дня 23 июня Иванов с Лукашенко оказались в медсанбате своей 133 стрелковой дивизии, где 24 июня, по рекомендации командира дивизии, с ними переговорил заезжий корреспондент центральной армейской газеты «Красная Звезда» Кирилл Симонов. 26 июня очерк о боевых действиях гарнизона был опубликован в «Красной Звезде». В итоге, вместо

ордена «Красного Знамени», к которому Иванова представил командир полка, 28 июня младшему лейтенанту неожиданно присвоили звание «Героя Советского Союза». Как говорили, представление подписал лично Главнокомандующий западным направлением товарищ Жуков. Такое же звание посмертно было присвоено Петрову и Сидорову. Лукашенко получил орден «Красной Звезды». Все младшие командиры гарнизона посмертно получили ордена «Красного Знамени», а рядовые бойцы – медаль «За отвагу». После войны Кирилл Симонов написал «Повесть о малом гарнизоне», сокращенный вариант которой приведен выше.

Примечание 1. В реальной истории немцы использовали большое количество диверсионных подразделений, наиболее известен из которых полк «Бранденбург – 800». Эти подразделения накануне войны были заброшены в тыл советских войск. Им удалось практически полностью парализовать проводную телефонную и телеграфную связь, осуществлявшуюся по подвешенным на столбах проводным линиям. После начала боевых действий немцы дополнительно десантировали большое количество диверсионных групп, которые также резали связь, убивали командиров, взрывали важные, но слабо защищенные объекты, наводили авиацию (см. (43) стр. 459 – 460).

От автора.

Упорная оборона опорного пункта усиленным взводом младшего лейтенанта Иванова задержала продвижение передовых отрядов 122 пехотной дивизии на 5 часов. Подрыв моста через Йотию задержал продвижение главных сил дивизии на 6 часов.

Гарнизон практически полностью погиб. Из 70 человек уцелели только шестеро раненых и четверо ездовых, эвакуированных после первого боя, и младший лейтенант Иванов с радистом Лукашенко, сумевшие пробраться к своим. Двое раненых бойцов попали в плен.

215 немецкая пехотная дивизия при штурме опорного пункта понесла тяжелейшие потери, несоизмеримые с потерями гарнизона. Из трофейных архивов дивизии, захваченных в конце войны, следовало, что дивизия потеряла 295 человек убитыми, 377 ранеными и 6 пленными.

На преодоление первой и второй линии опорных пунктов батальонного оборонительного района дивизия затратила 20 часов, продвинувшись за сутки всего на 14 километров. За первый день боевых действий пехотная дивизия потеряла 2154 человека, из них 780 убитыми, 1360 ранеными и 14 пропавшими без вести.

Гарнизоны опорных пунктов первой и второй линии потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 554 человека. Столь высокие, в сравнении с обороняющимися, потери атакующей стороны были вызваны стремлением передовых отрядов пехотной дивизии как можно быстрее захватить мосты, не дожидаясь подхода дивизионной артиллерии.

Ценой тяжелых потерь передовым отрядам 122 дивизии удалось к исходу дня 22 июня выйти к Неману. Попытка сходу захватить автомобильный мост провалилась, натолкнувшись на оборону сильного предмостного укрепления.

1.2. Аэродром Вертилишки. 15 км восточнее Гродно.

Косые лучи выглянувшего из-за горизонта солнца озарили аэродром. Отразились от больших выкрашенных серебрянкой цистерн с горючим, до половины вкопанных в землю у западного края взлетно-посадочной полосы. Забликовали на металлических плоскостях громадины ТБ-3, стоявшего у восточного края аэродрома. Осветили две линейки истребителей, выстроившихся вдоль длинных сторон ВПП: 25 самолетов по северной стороне и 25 – по южной.

Утренний ветерок лениво развеивал красный флаг, поднятый над длинным дощатым баракком, в котором размещались штаб и склады, слегка колыхал скаты больших армейских палаток, стоявших в два ряда вдоль опушки близкого леса. На всем аэродроме бодрствовали только зенитчики и охрана.

Батарея из четырех 23-мм зенитных автоматов замаскировалась у западного края ВПП, за цистернами с горючим. Вторая батарея из трех 37-мм автоматических пушек размещалась в кустах за ТБ-3.

В 4 часа 22 минуты в небе на западе показались черные точки. Командиры батарей в бинокли насчитали 18 приближающихся самолетов. Вскоре они опознали силуэты пикирующих бомбардировщиков Ю-87, характерные неубирающимся шасси. Прикрытые обтекателями колеса походили на торчащие вниз ноги, обутые в лапти. Юнкеры подходили двумя девятками на высоте 1500 метров. За четыре километра обе девятки перестроились в две параллельные колонны. В двух километрах от аэродрома ведущие эскадрилий начали снижение, переходя в пике.

На дистанции 1200 метров первая батарея открыла огонь*. Каждую колонну обрабатывали две пушки поочередно, перенося огонь с самолета на самолет через одного. Ленты снаряжались только осколочными снарядами контактного действия без трассеров, чтобы не демаскировать при стрельбе пушки, тщательно укрытые в низкорослом кустарнике. Немецкие пилоты и не замечали, что попали под обстрел, пока в двигатель третьего самолета правой колонны не врубился снаряд. Не выходя из пике, самолет взрезался в полосу и взорвался на собственных бомбах.

Опытные асы 2-ой авиагруппы 4-ой бомбардировочной эскадры пикировщиков, ветераны французской компании и битвы над Англией, не дрогнули и не свернули с боевого курса. Они пикировали четко вдоль линеек истребителей. Из подвешенных на бомбодержателях контейнеров на стоянки истребителей горохом посыпались мелкие бомбы.

Скорострельные зенитки молотили не переставая. В угон выходящим из пике самолетам ударили 37-миллиметровые автоматы. Замыкающий самолет левой колонны получил снаряд в правую плоскость и, лишившись крыла, беспорядочно закувыркался и взорвался при ударе о землю в километре от ВПП. На выходе из пике хвостовые стрелки засекали расположение пушек и обстреляли расчеты из пулеметов.

Уцелевшие «лапотники» сделали два широких круга, обходя аэродром на высоте 1800 метров, не входя в зону поражения зениток. Экипажи уточняли расположение пушек, командиры эскадрилий распределяли цели.

Мелкие десятикилограммовые осколочные бомбы густо засыпали стоянки истребителей. Многие из них уже горели, остальные были посечены осколками.

Немецкие летчики знали свое дело. На второй заход самолеты пошли одновременно с разных направлений. На каждую пушку пикировал персональный бомбардировщик. Начались дуэли самолет – зенитка. Два курсовых пулемета бомбардировщика против автоматической пушки.

На этот раз зенитчики использовали трассирующие снаряды. Какие бы крепкие нервы не имел пилот, как бы опытен он не был, вид несущейся навстречу цепочки огненных шаров, каждый из которых может стоить жизни, давит на психику и мешает точно удерживать самолет на боевом курсе.

В таком же положении и зенитчики. С воем пикирующий самолет и бьющие вокруг орудия в землю пули отнюдь не способствуют сохранению хладнокровия. Но пушка – оружие коллективное. Командир орудия дает поправки на скорость и угол пикирования, наводчик удерживает самолет в перекрестии прицела. Заряжающий втискивает кассеты со снарядами в приемник. Все номера расчета чувствуют поддержку товарищей, верят в авторитет командира. Как у нас говорят: «На миру и смерть красна!». А в остальном все зависит от госпожи удачи.

Бомбардировщики сбросили на зенитки по две пятидесятикилограммовые бомбы с внешней подвески.

Одно 23-мм орудие вместе с расчетом исчезло в фонтане фугасного разрыва, еще одна 23-миллиметровка получила осколочное повреждение противооткатного механизма и вышла из строя. Одна 37-миллиметровка была опрокинута и разбита близким разрывом, большая часть расчета погибла. Бомбардировщик, пикировавший на 23-миллиметровую зенитку, превратился в огненный шар из-за прямого попадания в подвешенную бомбу. Еще один был поврежден осколками 37-миллиметрового снаряда и ушел на запад, сильно дымя. По сообщению поста ВНОС, он сел на вынужденную в 33 километрах западнее Гродно, экипаж был взят в плен. В уцелевших расчетах 4 зенитчиков были убиты и 12 ранены пулями и осколками бомб.

Остальные юнкерсы сбросили бомбы по штабному бараку, по ТБ-3, по бензоцистернам и по палаткам личного состава. Отбомбившись, немцы улетели.

Аэродром подвергся полному разгрому. Польшали костром руины штабного барака, горели жилые палатки. Горели самолеты на стоянках.

Горели даже пустые цистерны из под горючего. Очевидно, на дне цистерн сохранился какой-то маслянистый осадок, пары которого вырывались из пробитых пулями и осколками дыр и горели, густо коптя.

Истребительный авиаполк был выведен с аэродрома еще 5 дней назад, дежурное звено улетело 21 июня. На стоянках остались только четыре списанные за ветхостью И-15 и старый ТБ-3 без двигателей. Перед отъездом техники полка соорудили из жердей и брезента 46 примитивных макетов истребителей.

Из леса выбежали бойцы взвода охраны аэродрома и принялись за тушение макетов и палаток. Закончив с тушением, из брезента уцелевших палаток и жердей они быстро восстановили 12 макетов. Вместе с восемью уцелевшими после налета макетами, через час вдоль аэродрома снова стояли 20 «истребителей». Пробитый десятками осколков цельнометаллический корпус ТБ-3 издали тоже смотрелся как новенький.

Прилетевший в 6 часов 12 минут немецкий корректировщик сфотографировал результаты налета. Донесение командира немецкой авиагруппы полностью подтвердилось. Пилоты 4-ой эскадры имели законное право гордиться. Они уничтожили 30 истребителей, три зенитных пушки и разнесли все сооружения на аэродроме.

Немцы не досчитались четырех пикировщиков и десяти членов экипажей. Зенитчики потеряли безвозвратно две пушки, 14 артиллеристов погибли, 16 получили ранения.

Сразу после налета расчеты прицепили пушки к выехавшим из леса тягачам и перетащили их на заранее подготовленные запасные позиции по бокам ВПП. Расчеты орудий пополнили за счет взвода охраны аэродрома. Пехотинцы встали к орудиям за подносчиков и заряжающих.

Изучив фотоснимки, сделанные разведчиком, командование 4-ой эскадры решило повторить налет, чтобы добить оставшиеся на аэродроме самолеты. Выполнение задачи поручили тем же двум эскадрильям пикировщиков, поскольку они уже знали структуру зенитной обороны аэродрома.

В 9 часов 23 минуты эскадрилья снова обрушилась на аэродром. Зафиксированные разведчиком истребители стояли на своих прежних местах, что было вполне понятно, ведь склад горючего был сожжен в предыдущем налете. На этот раз на каждую из 5 оставшихся зениток пикировали с разных сторон по два юнкерса. Остальные 4 экипажа уничтожали самолеты на стоянках.

Дождавшись, пока бомбардировщики нанесут пулеметно-бомбовый удар по их старым позициям, где уже стояли заранее изготовленные макеты пушек, зенитчики обстреляли немцев при выходе из пике и наборе высоты. Еще два юнкерса пропахали зеленые лужайки возле аэродрома. Как и в первый налет, опытные экипажи быстро засекли новые позиции зенитчиков

с безопасной дистанции, а затем атаковали. Каждую пушку штурмовали два самолета. Один из фашистов воткнулся прямо в ВПП, два ушли на запад, обильно коптя. По данным ВНОС, один из поврежденных бомбардировщиков сел на вынужденную, экипажу удалось скрыться. Одна 23-мм пушка вместе с расчетом погибла. Одна 37-миллиметровка получила повреждение. Всего при отражении второго налета погибло 12 и было ранено 18 бойцов. Немцы потеряли 4 самолета и 9 членов экипажей.

ТБ-3 от близкого разрыва бомбы потерял плоскость, все макеты истребителей сгорели. Ложный аэродром свою задачу выполнил полностью. Зенитчики похоронили погибших, привели орудия в походное положение, погрузили на тягачи батарейное имущество, раненых бойцов и отбыли на восток. К настоящему аэродрому.

Через 6 дней, когда немецкие пехотные части заняли Вертилишки, из боевого счета 4-ой эскадры пришлось вычеркнуть 50 истребителей и 1 тяжелый бомбардировщик. Потери 4-я бомбардировочной эскадры оказались напрасными. Штурмуя пустое место, она потеряла 8 пикирующих бомбардировщиков Ю-87**.

Примечание 1. Действовавшие в предвоенное время инструкции запрещали зенитчикам открывать огонь по самолетам – нарушителям границы. Аналогичные инструкции были и у летчиков-истребителей. Войска были задерганы постоянными требованиями командных инстанций: – «не поддаваться на провокации!» В результате 22 июня зенитчики не открывали огонь, даже когда немецкие самолеты бомбили позиции батарей (см. (4) стр. 154).

Примечание 2. В нашей реальности Люфтваффе удалось нанести ВВС Красной Армии сокрушительное поражение и завоевать господство в воздухе в первый же день войны. По данным противника, уточненным немцами после подсчета поврежденных самолетов на захваченных советских аэродромах, в первый день они уничтожили на аэродромах 1489 и сбили в воздухе 322 самолета. За два первых дня потери самолетов составили, по советским данным, 3993 самолета (см. (4) стр. 156). Фронтовая авиация Прибалтийского, Западного и Киевского округов была практически уничтожена за два дня. Запредельно высокий уровень потерь объясняется целым рядом грубейших ошибок командования РККА.

Так, вся фронтовая авиация располагалась скудно на ограниченном количестве аэродромов вблизи границы. Многие авиаполки имели двойной комплект самолетов: старые И-16, И-153 и новые МИГ-3, ЛАГГ-3, которые еще не были освоены экипажами (см. (36) стр. 154). Штатное зенитное прикрытие аэродромов не было предусмотрено вообще. Маскировка и расщелочение самолетов не произведены (см. (36) стр. 154,155). Из-за полной потери связи, управление авиачастями было утрачено. Как следствие – вывод и расщелочение уцелевших после первого удара самолетов не организованы. По этой же причине служба ВНОС не могла предупреждать авиачасти о подходе вражеской авиации. Множество практически исправных самолетов было брошено на аэродромах при отступлении из-за уничтожения складов горючего и отсутствия его подвоза (см. (20) стр. 340 – 342).

Исключением являлся Одесский военный округ, где все необходимые мероприятия были проведены командованием 21 июня. В результате авиация округа потеряла 22 июня только 23 самолета (3% парка), да и то большей частью в воздушных боях.

1.3. Брест. Крепость.

Соснуть Гаврилову удалось только полтора часа. В полчетвертого Ивана поднял посыльный и вызвал на КП. Дежуривший Каменев сообщил, что с НП докладывают о прохождении с запада большой группы самолетов. Комполка рысью двинулся на главный НП*. Прошел по потерне, по ходу сообщения, через пролом в фундаменте вошел в подвал церкви и единым духом взлетел на верхний этаж колокольни. Огляделся. Еще не светало. Прислушался. Где-то

очень далеко и очень высоко гудели самолеты. Много самолетов. Слабый, но отчетливый, низкий гул, казалось, наполнял все вокруг. Кажется, все-таки, начинается, – подумал Гаврилов.

Минут через десять гул самолетов затух. Вместо него на западе по всему горизонту возник отдаленный тарыхтящий звук множества запускаемых моторов. На востоке засветлело. Без десяти минут четыре все звуки перекрыл стук подходящего с запада по железной дороге состава. Это что за хрень? – удивился про себя Иван.

Поезд приблизился и застучал стыками рельс уже на мосту. Войдя в полосу света фонарей, состав вдруг засверкал частыми яркими огоньками и вспышками. На брустверах опорного пункта перед мостом ослепительно сверкнули разрывы снарядов. Спустя секунды донесся характерный треск пулеметов, грохот выстрелов и разрывов.

– Боевая тревога! Врубайте сирену! – схватив телефонную трубку, прокричал в нее командир полка. Всё накрыл леденящий душу вой мощной крепостной сирены. В опорном пункте рядом с мостом засверкали вспышки ответных выстрелов. Бронепоезд, громяхая на стыках, головным вагоном уже въехал на советскую сторону. И тут рвануло! В блеске пламени вверх полетели бронеплощадки и мостовые конструкции. Колокольня пошатнулась. Наблюдатель п/ш Ерохин, не отрываясь от телефона, докладывал на КП изменения обстановки.

События понеслись вскачь. На правом фланге Волынского укрепления звонко твякнули сорокопятки и зашлись воем пулеметы. Глянув туда, Иван увидел в свете фонарей немецкую пехоту, густо бегущую по автомобильному мосту через Буг. Впрочем, через десяток секунд, бегущих не осталось. Пулеметы крепости вымели всех.

Весь горизонт на западе полыхнул огнем. Спустя секунды, казалось, разом взорвалась вся крепость. На валах, в укреплениях, по всей территории крепости сплошной стеной встали огненные кусты разрывов. Вверх полетели обломки зданий, камни мостовых, куски вывороченного грунта. Колокольню закачало, как лодку на волнах. Грохот разрывов заложил уши. По стенам застучали осколки. Гаврилов глянул на расчет НП. По уставу, все – Ерохин, боец – наблюдатель и телефонист были в касках. Кроме него самого. Запросто можно было словить шальной осколок. Помирать было рановато.

–Ерохин, остаешься за главного! Из-за парашюта старайтесь не высовываться! Высунулся на секунду, осмотрелся, и ныряй за парашют! Докладывай непрерывно! Если немцы пристреляются по колокольне, доложите на КП, и спускайтесь. Я – на КП! Гаврилов бегом ссыпался по крутым лестницам вниз. Ходы сообщения пробежал на ощупь, пригнувшись. В пыли и толовой гари видимость едва достигала десятка метров. Камни и грунт валились вниз дождем. Пробежав полсотни метров по ходу сообщения до входа в кольцевую казарму, Иван десять раз пожалел об оставшейся на КП каске. К счастью, пронесло. Только присыпало пылью. Без каски – больше никогда! – дал себе зарок Иван, ныряя в каземат.

Промчавшись по потерне, вбежал в каземат главного КП. Приятно удивился. Все были в сборе и работали. Каменев пытался доложить обстановку – прервал его на полуслове:

– Потом доложишь. Я с НП сам все видел.

Начштаба Музалевский положил перед ним на стол три донесения.

№1. 04-07. Противник попытался захватить железнодорожный мост десантом, высаженным с бронепоезда. Мост взорван вместе с бронепоездом. Опорный пункт у моста ведет бой.

№2. 04-09. Батальон пехоты противника атаковал автодорожный мост. Пулеметным, артиллерийским и минометным огнем гарнизона атака отбита.**

№ 3. 04-16. Противник начал массированный обстрел крепости с использованием артиллерии крупных калибров. Обстрелу подвергаются валы, казармы, штабы, склады, дома комсовета. Соседние опорные пункты также обстреливаются.

Опорный пункт у железнодорожного моста оборонялся гарнизоном из другого полка дивизии, но продублировать сообщение о подрыве моста было не вредно. Гаврилов подписал все донесения. Музалевский понес их шифровальщикам.

– Что еще существенного приключилось, помимо указанного в донесениях? – спросил комполка у Каменева.

– Под прикрытием артобстрела противник накапливает по всему западному берегу переправочные средства. К берегу выдвигается пехота.

– Понятно. Приказ: огонь из всех видов оружия прекратить. Минометчиков отвести в казематы. Амбразуры закрыть. Наблюдение продолжать.

– Пока не закончится артобстрел, переправу они не начнут, – пояснил он свой приказ командирам. – Артобстрел очень плотный. Понесем потери от попадания осколков в амбразуры.

Гул канонады проникал и в бетонный каземат КП. Пол под ногами иногда подрагивал от близкого разрыва снаряда крупного калибра. Но, говорить можно было вполне свободно, не повышая голоса. Командиры имели вид напряженный, но не испуганный. Все принимали по телефонам доклады с наблюдательных пунктов и из батальонов.

Прошел доклад от комбата – 1 Фомина из Тереспольского укрепления:

– Артобстрел прекратился. Противник силами до пехотного полка начал форсирование реки. Подойдя к телефону, Гаврилов приказал:

– Всеми батальонными средствами – огонь! Когда немцы зацепятся за наш берег, выводите автоматчиков на вал! Постарайтесь взять в плен подранков!

– Повернувшись к командиру ббп Лаптеву, приказал:

– Все минометы – на позиции. Всеми минометами – заградительный огонь по Бугу перед Тереспольским укреплением. Лаптев быстро пошел в соседний каземат, где размещался КП батальона боевой поддержки.

– Может, поддержишь дивизионными минометами? – обратился Иван к присутствующему на КП начарту Иваницкому.

– Извини, Иван. Без приказа сверху не могу, – ответил тот.

– Да я знаю. Так просто спросил. Для проверки. Мы и сами справимся.

Комбат – 2 Галицкий доложил, что двенадцать танков противника с пехотой атакуют через автомобильный мост.

– Огонь всеми средствами! Как первые танки пройдут на нашу сторону, взрывавай мост, – приказал Галицкому Гаврилов.

– Пойду на Тереспольскую башню, гляну, как Фомин и Галицкий справляются. Сергей, ты тут за меня командуй, – обратился он к Каменеву.

Надел каску и пошел по коридору командного пункта. Во всех отсеках КП деловая суета. Затем потерней вышел в подвальный каземат кольцевой казармы и быстрым шагом пошел по центральному коридору. Потерна выходила в восточную оконечность кольцевой казармы. А идти предстояло почти полкилометра в западную часть Цитадели до Тереспольских ворот. В шестиэтажной надвратной башне ворот размещался запасной полковой НП. По высоте башня несколько уступала колокольне, зато была гораздо прочнее. Стены полутораметровой толщины из царского кирпича должны были выдержать попадание снаряда дивизионной гаубицы.

На шестом этаже башни работал расчет НП. Пол усеян осколками выбитых стекол. Среди них поблескивали зазубренные осколки снарядов. Под западным окном сидел лейтенант, замком минометной роты, фамилию его Гаврилов запомнил, и бубнил в трубку, время от времени выглядывая в окно – корректировал огонь полковых минометов. Под южным и восточными окнами скорчились сержанты – наблюдатели, время от времени они высовывались выше подоконника и выкрикивали донесения телефонисту, передававшему их на КП. Увидев Гаврилова, лейтенант попытался вскочить и отрапортовать. Иван замахал на него руками: сиди дурень, и не высовывайся. В воздухе посвистывали шальные пули, влетая в окна. Концентрированного обстрела НП пока не было. НП немцы пока не засекли, сделал вывод Гаврилов.

Подполз на четвереньках к лейтенанту, выглянул в окно. Вся территория Тереспольского укрепления затянута дымом пожаров. Горели разбитые снарядами здания: погранзаства, казармы, автопарк. Свежий утренний ветер сносил дымы на восток, валы укрепления и противоположный берег просматривались отлично. Западный берег Буга перед Тереспольским укреплением, освещенный косыми лучами рассветного солнца, был усеян неподвижными серыми комочками – трупами немцев. Все живые были уже в сотнях метров от берега и продолжали ползком и перебежками удирать к лесу. По ним густо молотили ротные и полковые минометы. Здесь все в порядке, – подумал комполка и по обезьяньи на четвереньках перебрался к южному окну. Выглянул.

Автомобильный мост был взорван. На нашем берегу горели три танка, еще два горели на уцелевшей западной половине моста и четыре – на западном берегу. Вблизи крепости оба берега густо засеяны неподвижными серыми точками. На удалении до полукилометра живых немцев на нашем берегу не наблюдалось. На западном берегу пехота тоже отползала к лесу. Зато в полутора – двух километрах в излучинах реки противник явно накапливался. И на нашей и на немецкой стороне. Ротные минометы из Волынского укрепления туда уже не доставали. Еще дальше, перед фортом №5 восточный берег от противника вычистили пулеметы форта. Непорядок, – подумал Гаврилов.

Подозвал к себе лейтенанта, показал ему немцев на восточном берегу и приказал перенести огонь полковых минометов на них. Сам перебрался к северному окну. Участок от крепости и до высокой насыпи железной дороги от противника был полностью очищен. Зону за насыпью контролировали форты «А», №1, «Берг» а также опорный пункт у железнодорожного моста. Там на нашем берегу противника тоже не наблюдалось. Однако, на западном берегу пехота продолжала накапливаться. Салага огонь корректирует грамотно, но обстановку в целом не улавливает, решил Гаврилов, поглядев на лейтенанта, прилипшего к южному окну. Приказал телефонисту вызвать командира бп Лаптева. Обрисовал тому ситуацию и вызвал на НП.

Дождавшись появления майора, озадачил его очисткой от противника всего видимого западного берега. Майор Лаптев – невысокий, шустрый, худощавый сорокалетний мужичок из состава прибывшего резервного полка оказался толковым артиллеристом. Гражданскую закончил командиром батареи трехдюймовок, потом в запасе ответственно повышал квалификацию на сборах и курсах. В армию был призван с должности начальника цеха мебельного комбината. В свое время, побеседовав с ним, Иван решил оставить его в должности командира бп, а командира своей опорной роты, старлея Дукина, сделал его замом. Конечно, десяти полковых минометов для этой задачи было маловато, но по ближней зоне могли работать ротные минометы стрелковых батальонов, нужно было только оперативно давать им ЦУ через главный КП. Артиллерию полка решил пока не задействовать, что бы, не раскрывать противнику ее расположение.

Пока ситуация вокруг крепости развивалась по предвоенным заготовкам. Артиллерия противника снова открыла огонь. На этот раз целью были западные валы крепости. Попытались погасить пулеметы в валах. С закрытых позиций – дело малоперспективное. Еще раз выглянув во все окна, Гаврилов направился на командный пункт.

Дойдя до КП, подписал два новых донесения.

№4. 04-45. После окончания артобстрела противник начал форсирование реки большими силами пехоты на всем видимом участке реки при поддержке пулеметов и минометов. Автомобильный мост атакован 20 танками. После прорыва двух танков на восточный берег по моему приказу мост взорван. Прорвавшиеся танки уничтожены.

№5. 05-14. Огнем гарнизона атака противника отбита с большими потерями. Восточный берег вблизи крепости от противника очищен. Минометы огнем очищают от противника западный берег реки, прилегающий к крепости.

Музалевский дал сводку потерь, поступившую из батальонов. Потери минимальные: двое убитых, пятеро раненых. Примененные противником калибры не пробивали защитные толщи крепостных валов. Немцы извели не меньше эшелона боеприпасов без всякого эффекта.

Позвонил пограничник Кижеватов. Его бойцы взяли троих раненых немцев, подстреленных на западном валу Тереспольского укрепления. По результатам допроса пленных: Германия объявила войну СССР. Крепость атакует 45-я пехотная дивизия, усиленная тяжелой артиллерией и минометами. Пограничники не досчитались 16 человек, в основном, находившихся в дозорах вне территории крепости.

Согласно «красному» пакету, погранзаства поступала в оперативное подчинение Гаврилову. Приказал Кижеватову срочно вытрясти из пленных все возможные сведения для доклада наверх. Пограничникам пока находиться в резерве в Тереспольском укреплении.

№6. 05-40. Потери гарнизона от артобстрела и штурма незначительны. От огня гарнизона противник потерял до двух батальонов пехоты и 12 танков. Взяты пленные. Подразделения противника отступили с берега в лесной массив и в Тересполь. Гарнизоны опорных пунктов выше и ниже крепости ведут бой.

Минут через десять Кижеватов передал дополнительные данные, полученные от пленных. Музалевский составил донесение.

№7. 05-54. Допрошенные пленные показали, что Германия напала на СССР по приказу Гитлера. Объявлена война. Против крепости действует 45 пехотная дивизия 12 армейского корпуса, входящего во 2 танковую группу. Дивизию поддерживают до трех артполков корпусной артиллерии и тяжелые минометы. Дивизия имеет приказ захватить город Брест и крепость. Командир дивизии – генерал Шлиппер.

Через полчаса Лаптев доложил с НП, что весь видимый восточный берег от организованных подразделений противника очищен. Немецкая артиллерия продолжала без толку долбить валы. Гаврилов распорядился весь огонь минометов и станковых пулеметов перенести на западный берег. В дивизию ушло новое донесение.

№ 8. 06-27. Огнем крепости и опорных пунктов форт «А», ж/д мост, форт №5 весь видимый восточный берег от противника очищен. Поддерживаем огнем полковых средств действия гарнизонов опорных пунктов, выбиваем противника на западном берегу.

Под массированным огнем пулеметов и минометов пехота отступила от берега в лесные массивы и в Тересполь. Видимо, по приказу. Артобстрел прекратился. Немецкий генерал сообщал, что делать дальше. Попытка взять крепость внезапным ударом не удалась. В дивизию донесли:

№ 9. 07-10. Видимый западный берег от подразделений противника очищен.

Вскоре артобстрел возобновился. Теперь весь огонь немецкой артиллерии был сосредоточен на валах и внутренней территории Тереспольского укрепления. Гаврилов приказал подготовить заградительный минометный огонь перед Тереспольским укреплением из Цитадели и из двух необстреливаемых укреплений. Выводить на позиции минометчиков 1-го батальона под таким плотным артогнем не хотелось.

Через полчаса из Тересполья и лесных массивов высыпали густые цепи пехоты, наступавшей на Тереспольское укрепление. С собой пехотинцы тащили надувные и разборные лодки. Артобстрел укрепления не ослабевал. Одновременно немцы выставили на окраинах Тересполья до 30 легких орудий, явно намереваясь прямой наводкой подавить огневые точки в амбразурах валов. Расстояние до них от крепостных валов составляло около километра, и они представляли собой серьезную опасность для пулеметов в фронтальных амбразурах. Гаврилов дал команду сосредоточить огонь полковых минометов на немецкой артиллерии, а ротных минометов 2-го и 3-го батальонов – на пехоте. Одновременно противник атаковал на флангах, напротив фортов «А» и №5.

По целеуказанию для огня ротных минометов, нанесенному на карту, Гаврилов видел, что пехота постепенно приближается к рву. Лаптев доложил, что НП подвергается сильному обстрелу легкой артиллерией с окраины Тересполья. Видимо, немцы сделали правильные выводы из точного огня минометов. К этому времени большая часть их пушек была уже подавлена. Комполка приказал расчету НП перейти в безопасное помещение на восточной стороне башни. Корректировку огня поручил вести наблюдательному пункту 1-го батальона, расположенному в бетонном каземате на оконечности левого центрального бастиона Тереспольского укрепления. Осевшая после артподготовки пыль уже не мешала работе батальонного НП. Отправили два донесения.

№ 10. 07-20. Противник проводит повторную артподготовку. Дивизионная и корпусная артиллерия ведет массированный обстрел западного вала Тереспольского укрепления и опорных пунктов.

№ 11. 07-50. После артобстрела противник снова пытается большими силами форсировать реку и захватить валы Тереспольского укрепления.

Комбат Фокин доложил с НП, что противник спускает на воду переправочные средства, пулеметчикам дана команда на открытие огня. Гаврилов отчетливо представил себе, как полсотни станковых и ручных пулеметов, включая крупнокалиберные, многослойным перекрестным фланкирующим огнем из боковых фасов бастионов накоротке вырезают немецкую пехоту. Оставшиеся у немцев пушки при всем желании не могли достать пулеметы, установленные в глубоких фланговых амбразурах бастионов. Натуральная мясорубка! Ему даже стало не по себе. Он зябко передернул плечами. Фокин вскоре донес, что на берегу уничтожено до двух батальонов пехоты. Отступить мало кому удалось. С главного НП донесли, что опорные пункты и форты на флангах также успешно сдерживают противника. Комполка приказал поддержать их полковыми минометами.

№ 12. 08-40. Атака отбита. Огнем гарнизона крепости уничтожено до двух батальонов пехоты. Опорные пункты ведут бой. Поддерживаю их огнем полковых средств.

К девяти часам все стихло. На всем видимом фронте противник отступил на исходные позиции. Закрепиться на восточном берегу ему нигде не удалось. Немецкому генералу снова пришлось призадуматься. Заменяли расчеты наблюдательных пунктов. На башне теперь руководил старлей Дукин, а на колокольне – командир минометной роты старлей Дремов. Гарнизон приступил к приему пищи. Расчет КП и штабники тоже поочередно сходили в каземат – столовую. Гречку с тушенкой и компот порубали с энтузиазмом. Настроение командиров было приподнятым. Противнику испортить аппетит не удалось. Немцев крепко поколотили, при минимальных собственных потерях.

№ 13. 09-06. На всем видимом участке реки противник с восточного берега выбит. На западном берегу противник отошел на исходные позиции.

На этот раз передышка была долгой. Генерал Шлиппер, видимо, крепко задумался. А может запасы снарядов на огневых позициях закончились. Требуется новые подвезти. Немецкие санитары на западном берегу искали и выносили раненых. Гаврилов приказал санитаров не обстреливать.

Ровно в 11 часов немцы снова начали артподготовку. На этот раз весь огонь был сосредоточен на смежных северо-западных оконечностях Тереспольского и Кобринского укреплений. Одновременно массированный огонь велся по опорным пунктам на правом фланге: форт «А», ж/д мост, форт №5. По колокольне и башне Тереспольских ворот тоже долбили крупные калибры. Пришлось отозвать оттуда расчеты НП. Наблюдение вели с запасного НП – низкой башни Белостокских ворот Цитадели. Под прикрытием артобстрела пехота противника накапливалась в излучине Буга на участке Козловичи – форт «А». Достать туда могли только полковые минометы. Гаврилов дал команду вывести их на позиции в Цитадели приготовиться к

открытию заградительного огня перед фортом «А», благо территория Цитадели не обстреливалась. Артподготовка продолжалась 40 минут.

Комполка предпочитал все видеть своими глазами и пошел на НП. В бинокль было хорошо видно, как немцы на плотках и лодках переправлялись через реку. Их было много – до полка пехоты. На реке часто вставали водяные столбы от разрывов мин. В изрытом снарядами форте, на котором, казалось, не было живого места, ожили пулеметы и даже пушки. Немцы вывели на прямую наводку на высокий западный берег полковую артиллерию, и попытались расстрелять огневые точки форта. Гаврилов перенес на них огонь всех минометов. Атака продолжалась почти час. Но, после того, как все выставленные на прямую наводку пушки были разбиты, пехота отошла на западный берег. Оставшиеся на нашем берегу небольшие группы пехотинцев опасности не представляли. Их плотно прижимали к земле пулеметчики форта.

Следующую попытку противник предпринял на левом фланге, напротив фортов №5 и «З», предварительно обработав артиллерией их и южные фасы Тереспольского и Волынского укреплений. Поскольку туда полковые минометы тоже доставали, попытка закончилась закономерной неудачей. Огонь корректировали с НП зенитчиков из башни Холмских ворот. Пока немцам не хватало ума накрыть артиллерией все возможные наблюдательные пункты. К половине третьего атака на левом фланге была отбита. Немецкий генерал снова взял паузу.

В четыре часа артобстрел начался снова. На этот раз вся тяжелая артиллерия противника работала по фортам №5 и «З». По крепости била дивизионная, полковая артиллерия и минометы. Обстрелу подвергались вся территория Цитадели и, в особенности все надвратные башни. Немцы сумели определить расположение минометов и наблюдательных пунктов. Гаврилов решил расчеты полковых минометов на позиции не выводить. Расположение ведущей огонь по крепости артиллерии определить средствами гарнизона было не возможно. Поэтому заградительный огонь перед фортами ставили только две полковых трехдюймовки из кольцевой казармы, в сектора обстрела которых попадали форты. К тому же заградительный огонь ставился по рубежу, без корректировки.

Комполка запросил по радио разрешение использовать дивизионные минометы Иваницкого, но получил отказ. Штурмовые группы противника при поддержке выставленной на прямую наводку артиллерии начали захват фортов. Пришлось рискнуть и вывести, все же, полковые минометы на позиции. Открыли огонь непосредственно по фортам. Засевшим в казематах нашим бойцам минометы повредить никак не могли, а немцам перед фортами пришлось туго. С фортов немецкую пехоту минометчики сбили, но фрицы успели окопаться и захватили плацдарм на нашем берегу глубиной до километра и шириной до двух километров перед фортами.

Немцы возобновили артиллерийский обстрел фортов, одновременно попытались наладить паромную переправу через Буг. Огнем полковых пушек паром утопили.

Около пяти часов к востоку от крепости на дороге Бернады – Пугачева с НП была замечена длинная колонна бронетехники. Это выдвигалась от Коденя 3-я танковая дивизия 2-ой танковой группы. Немцам потребовалось более трех часов, чтобы растащить подбитую технику и более-менее привести части в порядок после устроенного Серпилиным у Коденя огневого мешка. Расстояние от крепости до дороги составляло более пяти километров, тем не менее, полковые минометы и пушки туда доставали. Гаврилов приказал обстрелять колонну. 10 минометов и 2 полковых пушки, в секторы обстрела которых входил этот участок, устроили немцам хорошую «баню». Колонну полностью скрыли тучи пыли и дыма от разрывов. Когда дым рассеялся, на дороге горели 6 танков, 11 броневиков и более трех десятков автомобилей. В ответ противник снова обстрелял крепость. С тем же нулевым результатом. Минометы быстро убрали в казематы. Больше немцы в виду крепости ездить в открытую не решались.

После семи часов вечера противник активных действий не предпринимал. За исключением беспокоящего огня артиллерии по всей территории крепости. В ответ полковые пушки из

цитадели вели обстрел Тересполья, Михалкова и лесного массива южнее Тересполья, пресекали попытки противника переправлять на плацдарм дополнительные силы.

В 21-00 Гаврилов собрал совещание комсостава. Обстрел крепости к этому практически прекратился. Лишь изредка одиночный снаряд, просвистев, разрывался где-то на территории. Тем не менее, пожары в крепости кое-где продолжались. Догорали деревянные конструкции и обстановка зданий, разбитых при последнем массированном обстреле. Все каменные здания были в той или иной степени разрушены. Даже в кольцевой казарме толстые кирпичные стены и перекрытия второго этажа в нескольких местах обвалились.

Картина почти полного разрушения и хаоса на поверхности резко отличалась от спокойствия и порядка в казематах. Ни один защищенный артиллерийский или жилой каземат в валах крепости и в кольцевой казарме не был разрушен. Работали электростанции, качали воду насосы, гудели вентиляторы, ярко светили электролампочки. Личный состав работал, отдыхал, принимал пищу согласно боевому расписанию.

Потери гарнизона были минимальны, в сравнении с потерями противника. Прямыми попаданиями в амбразуры были уничтожены одна противотанковая сорокапятка и два пулемета. На позициях погибли три миномета и одно зенитное орудие без расчета. Большая часть раненых и убитых пострадали от залетевших в амбразуры осколков.

Собравшиеся после ужина на совещание командиры были приятно возбуждены удачно проведенным боем. Именинниками чувствовали себя минометчики, обеспечившие львиную долю успеха. Отличились пулеметчики и полковые артиллеристы.

Музалевский зачитал сводку потерь и оценку потерь противника. Получилось 1 к 40.

– Чтоб я так всю жизнь жил! – с характерным одесским акцентом прокомментировал сводку командир ббо еврей Лapidус. – Прибыль 4 тысячи процентов! Умеем работать, товарищи командиры! – До мобилизации он работал директором райпо в Одессе.

– Ну что же, товарищи командиры, Моисей Абрамыч прав. В первый день мы сработали хорошо. Но, расслабляться не стоит. Немцы нас пока недооценивают и по серьезному за нас еще не взялись. Наши возможности они не представляют, и не будут представлять, пока по ним не отработают артиллеристы Иваницкого. Вот тогда немцы бросят против нас все, на что способны. Так что, рассматривайте сегодняшний день как еще одну тренировку в условиях, приближенных к боевым.

Боевое крещение получили штабы, наблюдательные и командные пункты, батальон Фомина. В ббп хорошо повоевали минометчики и некоторые из артиллеристов. Им объявляю благодарность. Всем остальным это еще только предстоит.

Теперь о недостатках. Большая часть понесенных потерь – по глупости. Еще раз доведите до бойцов: во время артобстрела в амбразуры не глазеть! Для этого есть наблюдатели на НП и командиры на КП. Амбразуры закрывать бронезаслонками, а там, где заслонки нет, держаться от амбразур подальше! Каски не снимать! Даже в казематах! По ходам сообщения перемещаться только бегом. Зато, по команде «к бою» – не копать! Оружие мгновенно установить в амбразурах или вытащить на позиции. Если завтра будет временное затишье, еще раз потренируйте все это с бойцами. А сейчас всем спасибо, и всем отдыхать, кроме дежурной смены!

В конце дня в дивизию ушло итоговое донесение.

№ 31. 22-00. С 19-00 противник не предпринимал активных действий на участке ответственности гарнизона. За день огнем гарнизона уничтожено до 6 батальонов пехоты, 32 артиллерийских орудия и 12 танков. Потери гарнизона – 42 убитыми и 106 ранеными, 2 орудия, 3 миномета, 7 пулеметов. Взято и отправлено в тыл 16 пленных***.

Артиллеристы Иваницкого в первый день войны отдыхали.

Примечание 1. НП Гаврилова находился на колокольне крепостной церкви. С колокольни берега реки Западный Буг просматривались на 6 км вверх по течению до форта «З» и на 4 км вниз по течению до форта «А».

Примечание 2. В нашей реальности все мосты в окрестностях Бреста (4 железнодорожных и 6 автомобильных) были захвачены немцами целыми и невредимыми еще до начала арт-подготовки.

Примечание 3. В текущей реальности в крепости к началу войны размещались 6 сд (за исключением 202 гап), два полка из состава 42 сд и другие части. Рядовой и младший командный состав частей был застигнут массированным артобстрелом в казармах во время сна, и большей частью погиб, не успев вступить в бой. Матчасть артиллерии, находившаяся в открытых артпарках на территории крепости, также была уничтожена. Конная тяга всех артиллерийских и минометных частей погибла.

Командный состав частей был застигнут обстрелом в частных жилых домах вне территории крепости. Вследствие интенсивного обстрела входных ворот и крепостных мостов большая часть уцелевших командиров не смогла пробраться в крепость к своим подразделениям. В результате обе дивизии с первых часов боевых действий понесли огромные потери, утратили целостность и в дальнейшем действовали отдельными сводными отрядами. Один из немногих командиров, сумевших пробраться в крепость – командир 44 сп 42 сд майор Гаврилов возглавил знаменитую многодневную героическую оборону одного из таких отрядов в Брестской крепости.

Немцы взяли в крепости в плен 7223 человека, в том числе 101 командира. Взяли большие трофеи: 14 576 винтовок, 1327 пулеметов, 103 орудия, склады имущества. Более 3000 бойцов и командиров Красной Армии погибли. Из примерно десятитысячного гарнизона крепости на второй день обороны добровольно сдались в плен 1900 человек, в основном призванные в присоединенных в 1939 году западных областях Украины и Белоруссии и в Средней Азии.

45 пехотная дивизия вермахта потеряла при штурме крепости более 1500 человек, из них 500 человек убитыми.

Находившиеся за пределами крепости подразделения дивизий, занимавшиеся строительством полевых укреплений вдоль границы, также попали под массированный огонь и понесли тяжелые потери, но оказали серьезное сопротивление противнику, а затем сумели организованно отойти.

Командир 42 сд генерал-майор И. С. Лазаренко был приговорен к расстрелу за проявленные «беспечность, ... растерянность и бездействие». Затем расстрел был заменен десятью годами лагерей. В октябре 1942 г. освобожден из под стражи и назначен заместителем командира дивизии. Через восемь месяцев погиб, командуя 369-й стрелковой дивизией. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

.4.

Небо над Минском.

В 3 часа 44 минуты пост ВНОС Забужье зафиксировал пересечение государственной границы группой самолетов на контролируемом постом участке в 83 км южнее Бреста. До 60 самолетов пересекли границу на высоте более 8000 м курсом на северо-восток. Это и другие аналогичные сообщения поступили в штаб Западной зоны ПВО 22 июня между 03-40 и 04-10 московского времени. Большие группы самолетов пересекали границу на предельной высоте с приглушенными двигателями, явно стараясь остаться незамеченными.* Однако радиолокаторы РУС-1 и звукоулавливающие станции постов ВНОС зафиксировали прохождение нарушителей.

Штабом зоны были направлены целеуказания по нарушителям всем зенитным и авиационным частям ПВО. Одновременно, полученные сообщения были продублированы в штаб Западного фронта. Через 11 минут обнаруженная группа самолетов прошла над постом ВНОС Ратно. Утреннее солнце подсветило идущие на большой высоте самолеты. Удалось определить ее численный состав – 54 двухмоторных самолета. Группа явно шла в сторону Минска. Штаб ПВО зоны направил командующему ВВС фронта просьбу направить на перехват группы, как уже стало ясно, бомбардировщиков 129-й ИАП с аэродрома Слуцк и 124-й ИАП с аэродрома Новогрудок. Командующий ВВС фронта генерал-майор Шахт с пониманием отнесся к просьбе коллеги генерал-майора Птухина и немедленно отдал приказ задействовать фронтовых истребителей для отражения налета.

Находившиеся в боевой готовности № 2 полки взлетели без задержки. Имея целеуказание от штаба ПВО в виде курса, высоты и скорости группы бомбардировщиков, командир 129 ИАП майор Л. Л. Шестаков** вывел полк в район Клецка с непрерывным набором высоты. 124-й полк вскоре после взлета был перенацелен на прикрытие Барановичей, куда направлялась еще одна группа бомбардировщиков, обошедшая стороной Белосток.

К 04-34 истребителям Шестакова удалось набрать 7000 метров. И-16 тип 29, которыми был вооружен полк, с новым двигателем М-63 имели хорошую скороподъемность, но совершенно недостаточную по нынешним временам скорость. Шестаков знал, что преимущество И-16 над немецкими бомбардировщиками в скорости незначительно, и догнать их на параллельных курсах будет невозможно. Поэтому, идя курсом перехвата, изо всех сил тянул вверх, стремясь выйти в расчетную точку встречи раньше немцев.

Это ему почти удалось. В совершенно безоблачном небе на юго-западе, слева от себя летчики-истребители увидели большую группу самолетов, идущую расчетным курсом на удалении порядка 10 км с превышением по высоте метров на 600. Скорость непрерывно набравших высоту истребителей была значительно ниже скорости идущих со снижением немецких бомбардировщиков. Шестаков оглянулся. Правее него набирали высоту три истребителя звена командования полка. За ними строем пеленга следовала 1 эскадрилья. Следом в таком же порядке следовали вторая и третья. Всего 40 самолетов. Шестаков быстро просчитывал варианты действий. Наиболее простой – повернуть влево и с набором высоты встретить строй немецких бомбардировщиков в лоб, он отверг сразу. Конечно, в лобовой атаке удалось бы сбить несколько самолетов противника, но, прорезав на встречных курсах строй немцев, истребители окажутся на одной с ними высоте, но без скорости. Пока развернемся, а разворот на большой высоте медленный, пока будем набирать скорость, пока догоним, немцы уже будут над Минском – мгновенно сообразил Шестаков.

Поэтому, он начал очень плавный правый вираж, уменьшив угол набора высоты. Уменьшение тангажа позволяло набрать горизонтальную скорость, а плавный правый вираж должен был, по расчету командира, вывести истребителей на левый фланг строя бомбардировщиков на одной высоте и на равной с ними скорости на пересекающихся курсах. Широкий и плавный вираж позволял эскадрильям сохранять строй. Оглядываясь налево назад, Шестаков видел постепенно приближающийся строй немцев. Шесть девяток бомбардировщиков шли двумя эшелонами с разницей по высоте в 200 метров.

Постепенно строй немцев переместился в правую заднюю полусферу совершавшего правый вираж истребителя. Теперь уже было видно, что верхняя группа из трех девяток шла строем клин девяток, и каждая девятка также шла строем клин звеньев. Следующие три девятки летели таким же строем, но на 200 метров ниже и с отставанием примерно на 300 метров. Истребительного прикрытия не было, что весьма радовало. Самолеты в звеньях и звенья в эскадрильях шли очень плотно. Практически крыло к крылу. Это и понятно, при отсутствии истребительного прикрытия плотный строй позволял экипажам бомбардировщиков сосредотачивать огонь оборонительных пулеметов на любом атакующем истребителе. Оди-

ночный самолет, атакующий такой строй бомбардировщиков с любого направления, встретили бы сосредоточенным огнем как минимум 54 бортовых пулемета. Никаких шансов выжить у этого истребителя не было. Такие мысли посетили голову командира, пока полк выполнял вираж. Курс полка тем временем уже совпадал с курсом немцев. Они находились справа сзади и несколько выше.

Опыт не подвел. Недаром Шестаков колотил немцев еще в Испании. Расчет оказался верным. Вираж выводил полк на пересекающийся с немцами курс на одной высоте и практически на равной скорости. Расстояние до бомбардировщиков начало сокращаться. Теперь они были строго справа и на одной высоте. Командир прекратил набор высоты, продолжая разогнаться на максимальной мощности двигателя.

Созрело решение – ударить по немцам всем полком одновременно, чтобы немцы вынужденно рассредоточили огонь между всеми атакующими истребителями. Шестаков нажал на тангенту ларингофона и отдал приказ всем эскадрильям подтянуться, первой эскадрильи занять эшелон на 25 метров выше командного звена, второй – на 50 метров ниже, третьей еще на 25 метров ниже второй. В таком строю все истребители должны были парами одновременно атаковать бомберов.

Шестаков давно уже опознал тип самолетов противника. Это были новые немецкие бомбардировщики Ю-88. Ишак имел над ними паспортное превышение скорости всего в 20 км/час. Вооружение – курсовой пулемет и 4 оборонительных пулемета винтовочного калибра. При атаке сверху с борта по истребителям могли работать только пулеметы верхней оборонительной точки. Массивный двигатель воздушного охлаждения «ишака» хорошо защищал пилота от обстрела из пулеметов спереди, а сам двигатель был весьма живучим. Вооружение из одного скорострельного крупнокалиберного пулемета БС и двух пулеметов ШКАС должно было дать атакующим истребителям огневое преимущество над бортстрелками бомбардировщиков. Плотный строй немцев лишал их возможности маневром уклоняться от огня и облегчал задачу истребителей.

Немцы уже давно заметили заходящих на них истребителей и еще больше уплотнили строй. Сплоченные строи самолетов быстро сближались. Командир дал команду штабному звену и первой эскадрильи атаковать левофланговые самолеты в верхнем клине, а второй и третьей - левофланговые самолеты нижнего клина.

– Салаги! Огонь открывать не больше чем с трехсот метров! – заранее одернул он молодых неопытных летчиков, составлявших почти половину полка. Атаковать парами! Держаться ведущих, самим стрелять необязательно! После атаки первая и штабные уходят вверх над немцами, а вторая и третья под немцев! Затем вираж влево и выход на параллельный с немцами курс!

Над Несвижем, в 90 километрах от Минска курсы пересеклись. Некоторые молодые летчики все таки не утерпели и нажали на гашетки на дистанции свыше 600 метров.

Шестаков нацелился на второй левый самолет первой верхней девятки, с тем, чтобы истребители одновременно атаковали максимальное число бомберов. На дистанции 400 метров все бортовые стрелки открыли огонь. Густая сеть огненных пунктиров потянулась к истребителям. Мгновением позже ударили истребители. Отдача от длинной очереди затрясла самолет. Шестаков недаром еще в Испании заслужил репутацию аса. Его трассы уперлись в юнкерс. За секунду до столкновения он рванул ручку на себя, уводя самолет вверх. Уклоняясь от огня стрелков, дергая машину вправо – влево он прошел над строем немцев и спустя секунды вывел ее на параллельный немцам курс в 900 метрах левее и в трехстах метрах выше их. Маневры и набор высоты погасили скорость, строй немцев теперь оказался слева спереди.

Командир огляделся. Его немец и еще один валились вниз, тяня за собой шлейфы дыма. Два истребителя падали без дыма, видимо летчики были убиты, еще один, дымя, уходил со снижением. Как выяснилось потом на разборе, четверо молодых в азарте боя бросили своих

ведущих и пошли сквозь строй бомберов, обстреливая все самолеты по пути. А сами попали под сосредоточенный удар стрелков с нижнего и верхнего немецкого клина. В итоге – погибли два летчика, один выбросился с парашютом, три самолета потеряно. Только штабное звено сохранило боевой порядок, остальные летчики в лучшем случае удержались в парах. Большинство летело поодиночке.

– Хорошо у немцев истребителей нет***. А то бы они нам сейчас всыпали! – подумал Шестаков. Он сбросил газ, давая возможность остальным подтянуться, и скомандовал:

– Первая, вторая и третья подтянуться, принять строй – колонна пар. Занять эшелоны – первая на 25 метров выше меня, вторая – на 50 метров ниже, третья еще на 25 метров ниже. Комэскам поравняться со мной, идем справа от немцев с набором высоты!

Через две минуты, когда все подтянулись, дал максимальный газ и приказал:

– Набираем скорость, затем атакуем правофланговых немцев одновременно левым разворотом с пикированием. Внутрь строя бомберов не лезть!

Еще через пару минут полк поравнялся с немцами и набрал высоту над ними в 400 метров. Разница скоростей, все таки, была не 20 км/час, а примерно 40-50, видимо, тяжело груженные юнкерсы с бомбами на внешней подвеске не давали максимальную табличную скорость.

Второй атакой сбили трех немцев, потеряли одного своего. Шестаков чертыхнулся про себя в адрес конструктора Поликарпова: ну что бы ему не поставить на ишаке вместо пулемета 20-мм пушку ШВАК, а лучше две, как на типе 27! Немцы, надо отдать им должное, упорно держали плотный строй, оборонялись умело и ожесточенно, при этом, не меняя курса.

В третьем заходе сбили еще троих, потеряли двоих. Боекомплект у большинства пилотов закончился. По недостатку опыта летчики слишком рано открывали огонь и давали слишком длинные очереди. Шестаков решал, стоит ли при таком раскладе продолжить атаки, для первого раза его летуны набрались достаточно опыта. Тут по радио прозвучала команда с КП зоны ПВО:

– «Ландыш -1»! Вы на подходе к зоне зенитного огня, выходите из боя!

В виде подтверждения впереди по курсу возникли пухлые облачка разрывов пристрелочных зенитных снарядов. Командир решил не искушать судьбу и скомандовал выход из боя.

Первый бой сложился вполне удачно. Сбили восемь юнкерсов. Потеряли пять самолетов. Кто-то из летчиков наверняка воспользуется парашютом. Так что потери летчиков будут еще меньше. Шестаков прекрасно понимал, что такая удача не столько следствие выучки его летчиков, сколько следствие отсутствия у немцев истребителей прикрытия. Ну да, не важен метод, важен результат. А результат в виде сбитых самолетов и первого боевого опыта, полученного молодыми летчиками, был налицо!

Для летчиков 3 авиагруппы 16 бомбардировочной эскадры массированный удар русских истребителей был неожиданным. По планам штаба Люфтваффе предполагалось, что русские истребители будут накрыты внезапным ударом пикировщиков и истребителей-штурмовиков на аэродромах и не смогут оказать сопротивление. Тем не менее, опытные ветераны французской компании сохранили присутствие духа и дали истребителям достойный отпор. Однако, план полета пришлось менять. Предполагалось на подходе к цели, которой был железнодорожный узел Минска, перестроиться в две параллельные колонны звеньев и нанести залповый бомбовый удар вдоль железнодорожных путей пассажирской и грузовой станций Минска. Атаки истребителей не позволили вовремя совершить перестроение, и командир авиагруппы полковник Шеель решил бомбить из походного построения, приказав лишь нижней половине группы сбросить скорость и приотстать на 700 метров, чтобы не попасть под бомбы верхних эскадрилий. Кроме того, для облегчения противозенитного маневрирования он приказал увеличить интервал и дистанцию между звеньями.

132-й зенитно-артиллерийский полк минской бригады ПВО имел на вооружении одну батарею новых 85-мм зениток с новейшим комплексом ПУАЗО-3, пять четырехорудийных

батарей 76-мм пушек и 4 батареи 37-мм автоматов. Высота 6800 метров, на которой подходили к городу немцы, выводила из игры 37-мм батареи, имевшие максимальную досягаемость по высоте 6500 метров. Очевидно, немцы знали об этом, выбирая высоту полета.

По мере приближения немцев к центру города, где располагался крупный узел четырех железных дорог, все больше батарей вступали в бой, как только юнкерсы входили в зоны их досягаемости. Шары разрывов густо усеяли небо перед бомбардировщиками. Затем стали возникать прямо среди них. Максимальная плотность зенитного огня обеспечивалась над центром города и железнодорожной станцией.

Даже в идеальных условиях бомбометания среднее рассеивание бомб при сбросе с высоты 6500 метров превышало 120 метров. А условия были далеки от идеальных, ведущим звеньев приходилось постоянно маневрировать по курсу и высоте, не давая зенитчикам пристреляться. Да и строй был не запланированная колонна звеньев, а два клина девяток. Когда полковник Шеель дал команду на залповый сброс бомб, большинство звеньев совершали противозенитный маневр и отклонились от боевого курса, им пришлось для сброса возвращаться на боевой курс, на что потребовались десятки секунд. В итоге бомбовый ковер вместо расчетных трехсот метров накрыл полосу шириной в километр с лишним и длиной более трех километров. Лишь небольшая часть бомб разорвалась на станционных путях и в станционных сооружениях. Значительно больше бомб попали в окружающие жилые кварталы и промзоны. Каждый бомбардировщик вывалил по три тонны фугасных авиабомб калибра 50 и 100 кг. В городе было разрушено много зданий, занялись многочисленные пожары. Пассажирская и грузовая железнодорожные станции пострадали меньше.

Зенитчикам удалось сбить три самолета, которые рухнули за восточной окраиной города. Многие машины получили повреждения от осколков. Экипажи понесли потери ранеными и убитыми. Выйдя из зоны зенитного огня, командир авиагруппы сбросил скорость и начал широкий правый вираж, давая возможность отставшим самолетам подтянуться и восстановить походный строй.

Все время, пока самолет прорывался сквозь зону зенитного огня, полковник Штеель ругался как гамбургский портовый грузчик. Рация была выключена, и его ругань слышал только экипаж по внутренней связи.

... Черт бы побрал этих недоношенных кретинов! Это же надо такое написать: «Зенитная артиллерия русских имеет устаревшее вооружение и плохо обученный личный состав»! Утопить бы этих сучьих выродков в сортире! «Истребительного прикрытия над целью не ожидается, так как истребительная авиация русских вооружена устаревшими самолетами, ее управление плохо организовано, а пилоты плохо подготовлены». Посадить бы этих педерастов из штаба ВВС в самолеты, да пристроить их в конце колонны, чтобы на собственной шкуре почувствовали свои штабные измышления!

Ругань не мешала полковнику резко маневрировать, уклоняясь от огня зениток, а перед целью на короткое время встать на боевой курс и прицельно сбросить бомбы.

Когда самолеты вышли из зоны зенитного огня, полковник перестал материться и приказал экипажу доложить о повреждениях.

– Вижу многочисленные пробоины в плоскостях и фюзеляже. Огня и дыма не наблюдаю, – отозвался стрелок верхней пулеметной установки ефрейтор Лунц.

– Доклад подтверждаю, – ответил стрелок снизу.

– Докладить потери группы, – скомандовал Штеель.

– Наблюдаю три машины, выпавших из строя и теряющих высоту. Две из них горят. Все три машины из концевых девяток, – доложил нижний стрелок.

– Дешево отделались, – с облегчением выдохнул полковник, затем включил рацию на передачу:

– Я «Кондор – 1», уменьшаю скорость. Всем экипажам подтянуться и восстановить походный ордер. Начинаем плавный разворот вправо. Держитесь, господа! Идем домой...

Штеель хотел еще как-то подбодрить своих летчиков, но его прервал панический крик Лунца:

– Сверху сзади атакуют истребители! Очень много! Дистанция – 4 километра.

28-й истребительный авиаполк ПВО минской зоны в полном составе барражировал на высоте 7600 метров, дожидаясь, когда немцы выйдут из зоны зенитного огня. Бомбардировщики после противозенитных маневров шли вразброд, не успев принять плотный оборонительный строй.

Командир 28-го иап майор Серов и не собирался создавать немцам тепличные условия. МиГ-3, которыми был вооружен полк, имели отличные высотные характеристики, а пикируя с высоты 1 км на немцев, истребители разогнались до 760 км/час. Поскольку на такой высокой скорости вероятность поражения истребителей огнем оборонительных пулеметов юнкерсов была минимальной, майор разрешил ведущим звеньев выбирать цели самостоятельно. Молодым летчикам, составлявшим более половины полка, нужно было набираться боевого опыта. Сейчас все 40 мигов неудержимо валились сверху на рассыпной строй бомбардировщиков.

Сам майор со штабным звеном атаковал головного. Огонь открыл с 600 метров и не промахнулся. Из-за высокой скорости очередь получилась короткой, менее чем через 2 секунды пришлось отворачивать, чтобы не протаранить бомбардировщик.

Как и было приказано, прошив насквозь строй бомберов, истребители вышли из пике с разворотом влево и начали набирать высоту, снова заходя в верхнюю заднюю полусферу немцам для повторной атаки. Серов осмотрелся и с удивлением не обнаружил ни одного падающего самолета. Все истребители были целы, как, впрочем, и бомбардировщики. Майор мысленно выругался. Главным недостатком мига было его слабое вооружение – три пулемета, из которых лишь один крупнокалиберный. Высокая скорость сближения делала огневой контакт слишком коротким. Выпущенных за краткое время пуль было явно недостаточно для нанесения летальных повреждений огромному 88-му юнкерсу, к тому же имевшему бронирование важнейших узлов.

Значит, будем массировать огонь на отдельных самолетах, решил Серов. Горючего должно было хватить еще на два – три захода. Ошибаться больше было нельзя.

– Эскадрильям принять строй – колонна пар. Каждой эскадрилье последовательно атаковать один бомбер, долбить, пока не свалится. Штабные – за мной. Атака по команде после набора высоты.

Через две с половиной минуты, после второй атаки майор снова огляделся и увидел три падающих горящих бомбардировщика. Все три эскадрильи своих бомберов завалили. Принявшие к тому времени плотный оборонительный строй бомбардировщики, лишили себя возможности маневром уклоняться от атак. Один из мигов уходил со снижением, выпуская струйку дыма. Оно и понятно, стрелки на бомбардировщиках тоже получили возможность массировать огонь на последовательно атакующих истребителях. Поглядев на плоскости мига, он увидел на левой три пулевых пробоины. Самолет, однако, отлично слушался. Видимо, серьезных повреждений не было.

– Отлично, парни! Три – один в нашу пользу! Повторяем маневр.

Головной юнкерс, однако, продолжал идти своим курсом. Майор был уверен, что не промахнулся. Да и трое других летчиков штабного звена – зам по огневой подготовке, штурман полка и замполит, тоже были умелыми воздушными стрелками.

– Ох, и живуч, зараза, – подумал майор, круто набирая высоту. Все равно, завалим гада! – со злостью подумал он.

После третьей атаки вниз пошли уже четыре юнкерса. Головной падал, беспорядочно кувыряясь, объятый пламенем. Оборонительный огонь бомбардировщиков значительно осла-

бел, видимо, у многих стрелков закончились патроны. Из истребителей не вышел из боя ни один.

Майор повел, было, свой миг в набор высоты, но, глянув на указатель топлива, решил не рисковать. Форсированный набор высоты и три атаки на полном газу выработали бензин на четыре пятых. Было бы глупо после удачного боя потерять самолеты из-за нехватки горючки.

– Идем домой, хватит с них для первого раза, – приказал он, переключая самолет из набора в снижение и поворачивая на возвратный курс.

Принявший после героической гибели полковника Штееля на себя командование авиагруппой майор Зибель осмотрелся. Скоростные русские истребители уходили. В строю эскадрилий авиагруппы зияли многочисленные прорехи. Особенно сильно пострадали концевые девятки. Получив доклады командиров эскадрилий о потерях, Зибель приказал уцелевшим экипажам из концевых девяток занять вакантные места в первых четырех девятках. Для облегчения перестроения приказал сбросить скорость. Комэски доложили о многочисленных повреждениях самолетов. Многие экипажи с трудом удерживали свои побитые самолеты в строю. У многих стрелков верхних оборонительных точек закончились патроны. Некоторые экипажи доложили о гибели и ранениях верхних стрелков.

Зибель сделал вывод, что оборонительный огонь группы в верхней полусфере значительно ослаблен. В то же время он заметил, что русские особенно охотно атаковали хвостовые бомбардировщики, причем атаки проводились сзади сверху. Видимо, так предписывали их тактические наставления. Благодаря шаблонной тактике русских стрелки нижних оборонительных точек уцелели и сохранили боекомплект. До границы было еще далеко. Зибель решил не идти прямо к границе вдоль трассы Минск – Брест, где было много городов, наверняка имевших сильное зенитное прикрытие, а выйти в бассейн Припяти, и над лесами и болотами спокойно уйти к себе.

Пока группа перестраивалась, майор принял решение и приказал

второй девятке занять эшелон на 200 метров ниже и на 100 метров позади первой, третьей девятке – ниже и сзади второй, а четвертой – ниже и сзади третьей. Через три минуты группа перестроилась в косую этажерку из девяток. Теперь, если русские истребители снова атакуют концевую девятку, они попадут под огонь нижних стрелковых установок трех верхних девяток.

Зибель приказал дать полный газ двигателям и начал плавно снижаться. Снижение должно было добавить им скорости и позволяло оторваться от возможной погони русских истребителей самых массовых типов – И-16 и И-153. Высота по высотомеру составляла 5 200 метров. Зибель задал скорость снижения группы с расчетом пересечь границу на высоте 500 метров.

– Только бы не появились снова русские истребители, – мысленно вознес он молитву всевышнему.

– Господи, дай нам спокойно дойти до границы! – молились пилоты, с трудом удерживая поврежденные самолеты строю.

– Пронеси и помилуй Господи! – молились стрелки и штурмана, вглядываясь до рези в глазах в окружающее пространство.

Господь не прислушался к их просьбам.

– Командир! Прямо по курсу и выше вижу самолеты! – закричал штурман. Присмотревшись, Зибель и сам увидел на фоне густой синевы неба восемь точек двумя группами по четыре. Через минуту стало понятно, что это русские истребители, а именно – И-16. Они шли на встречу с превышением в 1 км. Оставалось надеяться, что русские не заметят их издали на фоне земли и проскочат в заднюю полусферу, а потом не смогут догнать.

В 04-05 командир 116-го ИАП капитан Покрышев получил команду от комдива Боброва на перехват группы бомбардировщиков, отходящих на свою территорию после удара по Мин-

ску. Группа уже была сильно потрепана, но все еще насчитывала около 40 самолетов. Находившийся в готовности № 1 полк сразу пошел на взлет. Поскольку эскадрильи полка были рассредоточены по трем площадкам, необходимо было собрать полк во время набора высоты. По данным постов ВНОС, немцы отходили от Минска со снижением с высоты 6800 метров курсом на Копыль, левее оси Минск – Брест.

Через четыре минуты после взлета комдив Бобров снова вышел на связь и приказал две эскадрильи направить к Пинску, куда направлялась еще одна группа бомбардировщиков, имеющая целью либо Пинск, либо близлежащий узел шоссейных и железных дорог Лунинец. Эта группа шла на восток вдоль Припяти. Покрышев приказал первой и второй эскадрильям, взлетевшим с полевых площадок южнее и восточнее основного аэродрома Коссово, идти к Пинску и действовать самостоятельно. У него осталось штабное звено и третья эскадрилья Сенечкина. Покрышев вел свои 16 истребителей наперерез курсу немцев. В 04-14 Покрышев вышел на высоту 6300 метров и перешел на горизонталь, прекратив набор высоты. Внизу блестело озеро Выгонощанское.

Яркое синее небо, видимость – миллион на миллион. Здесь командир приказал первому звену Сенечкина лечь на курс к Минску, через две минуты, пройдя 12 км, повернул к Минску второе звено третьей эскадрильи, еще через две минуты – повернул штабное звено. Третьему звену приказал пройти еще дальше и тоже через две минуты повернуть на Минск. Теперь идущие пеленгом на северо-восток звенья просматривали полосу шириной 80 км. Деваться немцам было некуда.

Расчет Покрышева оказался верным. В 04-21 он увидел прямо по курсу и значительно ниже большую группу черных точек. Командир немцев, видимо, решил взять левее, чтобы выйти в малонаселенный бассейн Припяти и уже вдоль реки уходить на свою территорию. Покрышев сбросил газ и приказал 1-му, 2-му и 3-му звеньям идти на сближение со штабным звеном на максимальной скорости. Внизу блеснуло озеро Локтыщи. Истребители и бомбардировщики стремительно сближались на встречных курсах. Подтянуться к штабному успело только второе звено. Немцы были уже в четырех километрах. Они шли четырьмя эшелонами по высоте в составе девяток.

– Атакуем парами сзади сверху головные самолеты верхней девятки. В атаку входим переворотом и нисходящей полупетлей. После атаки уходим вправо вверх и снова выходим в заднюю полусферу немцам! – успел приказать Покрышев. Нужно было четко рассчитать момент входа в полупетлю, чтобы оказаться точно сзади и выше верхней девятки.

– Атака! – прокричал командир.

Перегрузка вдавила в кресло. Самолет стремительно набирал скорость на пикировании. Опыт не подвел. Когда перед глазами вместо земли снова показалось небо, он увидел в полукилometре впереди и ниже себя головное звено верхней девятки бомбардировщиков. От бомбардировщиков вверх тянулись редкие нитки трассеров.

Стреляет от силы один из трех, – с удивлением отметил командир. Превышение скорости составляло не менее 120 км/час. Сблизившись на 400 метров с головным, он нажал на гашетку. Отдача от пушек затрясла самолет. Трассы уперлись в фюзеляж и плоскости юнкерса. Слева сзади потянулись трассы ведомого и тоже уперлись в немца. Старлей Кудреватый был не слабым воздушным стрелком. От немца отлетели какие-то куски. В ста метрах от него Покрышев рванул самолет вправо вверх, переходя в восходящую полупетлю. Проскочившие под верхнюю девятку истребители оказались в секторе обстрела передних пулеметов с самолетов нижних девяток. Кругом густо замелькали трассы. Однако, попасть в летящий с высокой скоростью на пересекающемся курсе истребитель можно только случайно. А случай сегодня явно благоволил к Покрышеву и его парням.

Придя в себя после перегрузки и осмотревшись, капитан увидел, что три из четырех атакованных юнкерсов сыпались вниз. А один хоть и дымил, но держался в строю. Два звена

истребителей, как и предполагалось, снова оказались сзади и на полкилометра выше бомбардировщиков. Никто не был сбит. Никто из ведомых не отстал. Первое звено уже подошло, а третье было на подходе. Покрышев пересчитал юнкерсы. Их оставалось еще 34 штуки.

– Черт! – мелькнула мысль, – как же их еще много! А нас всего 16.

«Репей – 5», атакуйте парами оставшиеся самолеты верхней девятки! – приказал он Сенечкину. «Репей-2, Репей -3, Репей-4», – атакуем поодиночке головные самолеты второй девятки – он распределил цели штабному звену. Квалификация должна была позволить штабникам валить юнкерсов и поодиночке. Выждав с минуту, пока подтянется третье звено, он скомандовал «Атаку».

Выйдя из второй атаки и придя в себя от перегрузки, Покрышев огляделся. Много юнкерсов, горя, сыпались вниз, в воздухе висели парашюты. Один из истребителей, оставляя за собой струйку дыма, уходил в сторону дома. У остальных фрицев, похоже, сдали нервы. Строй рассыпался. Тяжелые самолеты, пикируя как заправские истребители, пытались оторваться.

– Ну, пошла потеха! «Репьи» – бьем всех подряд! Третья – работать парами, штабники – по одиночке. Бей фашистов! – не по уставному скомандовал Покрышев.

Бой превратился в совокупность схваток между одиночными бомберами и истребителями. На пикировании ишаки доставали и расстреливали пытавшихся маневрировать юнкерсов. Сам Покрышев успел обстрелять троих, из которых один сразу свалился, а двое ушли подыхать. Глянув на указатель топлива, командир дал команду на выход из боя. Команду пришлось повторить раза три, а под конец и покрыть особо увлекшихся матом. Только после этого все истребители вышли из боя.

По данным постов ВНОС и опорных пунктов наземных войск в этом бою было сбито 14 юнкерсов. Потеряны три истребителя и один пилот.

Вторая и третья эскадрильи перехватили три девятки Дорнье-17 между Пинском и Лукинцом и сбили 6 из них, потеряв три самолета и двух пилотов. Так что первый бой прошел для летчиков Покрышева очень удачно.

На базовый аэродром 3-ей авиагруппы вернулись из боевого вылета всего 20 самолетов. Еще два не дотянули до аэродрома и совершили вынужденную посадку на своей территории. Из вернувшихся самолетов три имели настолько большие повреждения, что их пришлось списать ввиду нецелесообразности ремонта. Все остальные самолеты имели значительные повреждения и нуждались в серьезном ремонте. Среди вернувшихся экипажей было ранено трое летчиков, трое штурманов и пятеро стрелков. Двое штурманов и четверо стрелков погибли. Позднее наземные войска, занявшие вражескую территорию, подобрали 48 членов экипажей, сумевших укрыться от русских. Третья авиагруппа была практически разгромлена в первом же боевом вылете и надолго потеряла боеспособность.

Примечание 1. Немецкие бомбардировщики, в соответствии с планом командования германских ВВС, стартовали со своих аэродромов еще в темноте, набирали максимальную высоту над своей территорией, а затем пересекали границу над болотистыми и лесистыми участками местности с приглушенными моторами. Точный расчет должен был обеспечить удар по приграничным аэродромам и тыловым объектам ровно в 3 часа 15 минут по берлинскому времени или в 4 часа 15 минут по московскому (см. (4) стр. 100).

Примечание 2. Лев Львович Шестаков – один из самых результативных летчиков войны в Испании, где лично сбил 8 самолетов противника. В текущей реальности в июне 41 года был помощником командира полка. Погиб в 1944 году, будучи командиром гвардейского авиаполка. До своей гибели воспитал целую плеяду летчиков – Героев Советского Союза.

Как это ни странно, но командование ВВС РККА, в отличие от командования Люфтваффе, не ценило по достоинству летчиков, имевших реальный боевой опыт, на прак-

тике показавших свое мастерство, не занималось обобщением и распространением их боевого опыта. Очевидно, при назначениях на командные должности больше реальных заслуг ценились «преданность линии партии» и умение ладить с партийным руководством.

Примечание 3. Главной задачей на 22 июня командование Люфтваффе считало уничтожение советской авиации на аэродромах. Поэтому, все немецкие истребители были задействованы для штурмовых ударов по аэродромам советских ВВС. Этим же занималась большая часть пикирующих бомбардировщиков. Лишь небольшая часть пикировщиков поддерживала действия танковых групп на главных направлениях. Горизонтальные бомбардировщики частью сил также атаковали аэродромы, а другой частью бомбили транспортные узлы и военные объекты в оперативном тылу РККА. Причем бомбардировщики *повсеместно действовали без истребительного прикрытия!*

В нашей реальности командование РККА во второй половине дня 22 июня, 23 июня и в последующие дни направляло соединения фронтовых и дальних бомбардировщиков на бомбежку моторизованных колонн немецких войск и разрушение захваченных немцами мостов. Поскольку к тому времени почти все наши истребители уже были уничтожены на аэродромах, бомбардировщикам пришлось действовать без истребительного прикрытия. В результате полки бомбардировщиков подверглись массовой атаке немецких истребителей и были разгромлены. Многие эскадрильи были выбиты полностью (см. (4) стр. 109-111, см. (47) стр. 406).

В данном случае в альтернативной реальности ситуация инвертировалась. Действующие без прикрытия немецкие бомбардировщики попали под массированный удар советских истребителей.

1.5. Командарм Серпилин.

Павел Федорович закончил чтение донесения за 22 июня, подготовленного оперативным отделом штаба армии, и посмотрел на полковника Дерюгина.

– Неплохо, Яков Петрович, основная фактура изложена. Надо бы только подсократить, а то длинновато получилось. Замучаются шифровать.

– А не слишком ли мы размахнулись по потерям противника? – спросил начштаба армии. Один только Гаврилов отчитался об уничтожении 6 батальонов пехоты и 12 танков. Коротеев, по его данным, уничтожил только на плацдарме у Страдечи 110 танков, 1200 грузовиков, 5000 человек. Может, подсократим общую сводку?

Серпилин посмотрел на своего начштаба и улыбнулся. Улыбка, как всегда, сделала обаятельным его морщинистое, вытянутое лицо с длинным квадратным подбородком.

– Александр Васильевич Суворов в совершенно аналогичной ситуации сказал: – «А чего нам их, супостатов, жалеть?» Вот и мы их жалеть не будем. Гаврилова я, слава богу, знаю, он лишнего не припишет. А ловушку у Страдечей мы сами вместе с Коротеевым подготовили и привели в действие. Что же мы в самих себе будем сомневаться? Единственное, что поправим в сводке: о танках напишем не «уничтожены», а «подбиты» – все-таки, хоть мы им и врезали от души, поле боя за ними осталось. Так что, большую часть своих железных коробок они починят.

Серпилин поглядел на часы: 22-24.

– Время еще есть. Я еще раз прочитаю, кое-что подправлю, затем подпишу, сразу шифруйте и отправляйте. Шифровку в штаб фронта мы должны отправить, как вы помните, до 23-15.

Павел Федорович вернулся к тексту. Читая, он вспоминал события этого бесконечно длинного, до предела спрессованного дня.

Спать в эту ночь не пришлось. С 0 часов непрерывно поступали ретранслированные шифрованные донесения от пограничников и передовых гарнизонов о передвижениях больших групп пехоты и шуме танковых моторов на сопредельной территории. После двух часов начала прерываться телефонная связь. С 03-30 поступили сообщения от постов ВНОС о перелете больших групп самолетов через границу. В 04-15 в штабе армии и без донесений услышали отдаленную канонаду по всей линии границы.

Командный пункт армии размещался в лесном массиве юго-восточнее Кобрина. Выйдя из штабного блиндажа на близкую опушку леса, Павел Федорович увидел над Кобрином карусель самолетов в густых купах зенитных разрывов. Противник бомбил место прежнего расположения штаба армии и армейских складов. Город горел.

После этого поступили шифровки о попытках захвата немцами мостов через Буг. Для захвата железнодорожных мостов использовались бронепоезда, которые удалось взорвать вместе с мостами. Автодорожные мосты немцы попытались захватить внезапной атакой пехотных подразделений, которая была везде отбита с большими для них потерями. Артподготовка была интенсивной, но короткой. Всего 30 минут.

После 5 часов поступили донесения передовых гарнизонов об атаке мостов крупными силами танков. Мосты один за другим были взорваны вместе с танками. На всем протяжении границы противник приступил к форсированию реки. Узел связи штаба армии устойчиво принимал передачи корпусных и дивизионных радиостанций, а также и ближайших полковых. По заведенному Серпилиным порядку, каждый штаб обязан был обобщать сообщения нижестоящих штабов и регулярно передавать донесения вышестоящему штабу.

Зона ответственности армии простиралась от Бреста на юг на 65 км по прямой до Томашовки в верховьях Припяти, и на северо-запад на 70 км до Семятыче, без учета многочисленных излучин реки. В первой линии на берегу реки размещалось 28 армейских опорных пунктов с гарнизонами от усиленного взвода до двух рот и 12 опорных пунктов погранзастав с силами от двух взводов до роты. Все дзоты в опорных пунктах имели бетонные перекрытия, и, по расчетам армейских инженеров, должны были выдержать попадания снарядов корпусных гаубиц.

К 6 часам стало ясно, что первая атака немцев на всем протяжении границы отбита. Лишь небольшие подразделения противника сумели закрепиться на нашем берегу в промежутках между опорными пунктами, но, прижатые фланговым огнем, не имели возможности продвигаться вглубь нашей территории. Попытки немцев наводить паромные переправы были пресечены минометным огнем из опорных пунктов.

После 6 часов противник в разное время на разных участках начал повторную артподготовку. Видимо, каждая дивизия проводила артподготовку на своем участке самостоятельно. Под прикрытием артобстрела немцы вывели на западный берег реки танки и самоходные орудия. Одновременно с форсированием реки пехотой, танки и самоходки начали артиллерийскую дуэль с приданными пушками опорных пунктов. Каждый наш ротный опорный пункт имел на усилении батарею ПТО и батарею ротных минометов. А двухротный пункт – еще и 1 дивизионное орудие и два 107-мм миномета. Взводный опорный пункт имел приданное орудие ПТО и два ротных миномета. Все орудия в опорных пунктах первой линии размещались в дзотах.

Около семи часов поступили первые сообщения о захвате немцами опорных пунктов. При массовой поддержке танков с западного берега противник занял взводные опорные пункты Оляха, Страдечи на левом фланге армии и взводные пункты Ставы и Чижевичи на правом фланге. На большой штабной карте появились синие пятна плацдармов противника на нашем берегу. Немцы начали наводить паромные переправы и понтонные мосты на захваченные плацдармы. Все шло по плану.

Серпилин намеренно разместил на первой линии только опорные пункты уровня не выше роты. Двухротных пунктов было всего два на левом фланге и ни одного на правом. Даже

во внешних фортах брестской крепости размещались только усиленные роты или полуроты. Командарм уперся и сумел отстоять свою позицию перед штабом фронта, который требовал разместить на границе опорные пункты батальонного и двухротного уровня.

Немцы имели полную возможность, несмотря на все возможные меры маскировки, заранее разведать расположение пограничных опорных пунктов и сосредоточить против них тяжелую артиллерию, массированный удар которой, полевые укрепления все равно бы не выдержали. В итоге задержка продвижения противника возросла бы не намного, а потери личного состава гарнизонов выросли бы многократно.

Серпилин был доволен. Полевые укрепления в опорных пунктах не впечатлили немецкое командование. По донесениям гарнизонов, артиллерия тяжелых калибров в артподготовке не участвовала. Даже форты брестской крепости обстреливала только дивизионная и корпусная артиллерия.

Особенно порадовало командарма использование противником больших масс танков у Коденя.

Приграничный участок нашей территории от Знаменки до Прилук, в центре которого, напротив польского Коденя, находилось местечко Страдечи, представлял собой классическое дефиле. Параллельно Бугу, на расстоянии от 1 до 3 км от него, протекала небольшая речка Слановка, на восточном берегу которой протянулся заболоченный лес. Между болотистыми поймами Буга и речушки, по относительно сухой, пологой и безлесной гриве шириной 0,5-1 км, параллельно границе проходили железная и автомобильная дороги от Томашовки на Брест. Длина этого дефиле составляла 13 км. Именно в этом месте штаб армии подготовил для немцев западню.

Северный выход из дефиле шириной всего полкилометра у селения Прилуки прикрыли двухротным опорным пунктом. Более широкий южный выход у Знаменки прикрыли ротным опорным пунктом пограничников и двухротным армейский пунктом.

За болотом в лесу у обоих выходов из дефиле расположили по две батареи тяжелых дивизионных 120-мм минометов, задачей которых было поддерживать в обороне опорные пункты. Корректировщики минометных батарей размещались непосредственно за опорными пунктами.

На удалении 5-10 км от границы под пологом густых лесов разместили два дивизионных и два корпусных артполка в полном составе. Батареи размещались вдоль лесной грунтовой дороги Медно – Прилуки, а также по опушкам лесных массивов восточнее Медно и Прилук. Каждой батарее заранее подготовили для отхода на восток лесные дороги, не просматриваемые с воздуха. Корректировщики батарей в составе разведгрупп еще с вечера заняли позиции в болотах за дефиле. Всю территорию дефиле артиллеристы заранее пристреляли.

И в эту ловушку немцы ухнули двумя ногами сразу. В 08-10 командарм выехал на КП 61-й сд, чтобы лично руководить достойной встречей «долгожданных гостей». Автоколонна командарма в составе трех бронеавтомобилей БА-10, двух «эмков», двух грузовиков с автоматчиками и одного грузовика с крупнокалиберным зенитным пулеметом двинулась лесными дорогами на Малориту, а затем на Бродятин. Комдив 61-й полковник Миронов, встретив прибывшего командарма, доложил, что противник навел на плацдарме 3 понтонных моста и четыре паромные переправы и непрерывно переправляет в большом количестве танки, артиллерию и грузовики с пехотой. Подразделения противника силой до двух батальонов пехоты при поддержке танков попытались вырваться из дефиле с южного и северного краев, но были отбиты огнем артиллерии опорных пунктов.

В 09-40 немцы начали уже в третий раз массированный обстрел опорных пунктов. Одновременно батальон мотопехоты с танками попытался обойти опорный пункт и форсировать болото юго-восточнее Прилук, но благополучно застрял, после чего начал вытаскивать танки и автомашины из трясины.* Одной из разведгрупп 61-й дивизии удалось прихватить в болоте

завезавшегося немца, который был экстренно допрошен. Из расшифрованного сообщения разведгруппы следовало, что на плацдарм переправляются, ни много ни мало, как 3-я и 4-я танковые дивизии 24 моторизованного корпуса и 10-я моторизованная дивизия этого же корпуса!

Серпилин накануне долго колебался и обсуждал с командиром 14-й смешанной авиадивизии полковником Бобровым, стоит ли в первый же день боевых действий использовать штурмовиков, или поберечь их на «черный» день. Бобров доказывал, что штурмовики сумеют, поднявшись с близко расположенных площадок нанести короткий удар, затем сразу же нырнуть на другие запасные площадки, прежде чем немцы сумеют подтянуть свои истребители. От небольшого количества вражеских истребителей, которые могут случайно оказаться поблизости, штурмовиков прикроют собственные истребители штурмовых полков. Бобров напирал на необходимость приобретения штурмовыми полками реального боевого опыта. Окончательного решения о применении штурмовиков принято не было. Тем не менее, штурмовики сидели на передовых площадках и ждали команды.

Получив донесение разведгруппы, Серпилин больше не колебался. Упускать возможность «общипать» целый танковый корпус немцев было бы непростительной ошибкой. Бобров получил команду готовить своих «орлов» к взлету.

С 10-00 до 10-40 опорные пункты у Прилук и Знаменки отразили еще один штурм, подбив до 30 танков противника и уничтожив более двух батальонов пехоты. Командиры опорных пунктов доложили о больших потерях в живой силе и артиллерии. Полковник Миронов предложил отвести остатки гарнизонов, учитывая, что все дороги в тылу гарнизонов плотно заминированы. Серпилину пришлось возразить: гарнизоны должны удерживать позиции как можно дольше. Чем больше живой силы и техники немцы успеют переправить на плацдарм, тем эффективней будет тщательно подготовленный удар. Как ни хотелось командарму сохранить бойцов, уже 6 часов отбивающихся под непрерывным артобстрелом массированные атаки противника, от них требовалось держаться. Серпилин разрешил Миронову при отражении следующей атаки использовать четыре батареи 122-мм гаубиц.

Над расположенным на опушке леса КП дивизии, близлежащим местечком Бродятин и окрестными лесами кружили два немецких корректировщика, пытавшихся обнаружить расположение минометных батарей, поддерживающих огнем опорные пункты. Однако, обнаружить расположенные под пологом деревьев и стреляющие в подготовленные зазоры между кронами минометы, было практически невозможно. А вот залпы гаубиц они вполне могли засечь. Пришлось напомнить Миронову, что в дивизии есть зенитная артиллерия, и пора бы ей заняться делом. Батареи 37-мм зенитных автоматов, прикрывающие артполки, открыли беглый огонь и вскоре загнали корректировщиков на высоту более 6 км.

В 11-00 начался уже четвертый массированный обстрел опорных пунктов, продолжавшийся 40 минут. Было ясно, что боеспособность гарнизонов исчерпана, и на этот раз немцы захватят истерзанные позиции.

По атакующим танкам и пехоте ударили тяжелые минометы и гаубицы. Несмотря на большие потери, немцам удалось захватить опорный пункт в Прилуках. Пройдя через Прилуки вдоль шоссе и железной дорог, за околицей танки попали на минное поле. Три машины подорвались. Остальные встали.

Опорный пункт пограничников в Знаменке тоже пал. Однако, двухротный пункт с южной стороны села еще держался. Серпилин засек время – 11-56. Через 20 минут немцы разминуют минное поле и вырвутся с плацдарма. Ждать больше было нельзя. Боброву пошла команда поднимать штурмовиков.

К этому времени, по донесениям наблюдателей, на плацдарме уже сосредоточилось до 400 танков, 100 бронемашин, более 300 артиллерийских орудий, 3000 автомобилей, до 30 000 живой силы противника. С опушки леса у Бродятина, где размещался КП 61-й дивизии, Серпилин увидел, как сначала в сторону Коденя пролетели две эскадрильи истребителей И-153,

которые должны были очистить небо от случайных истребителей противника. Затем пролетела эскадрилья штурмовиков под прикрытием восьмерки истребителей, взлетевших с площадки восточнее Бродятина. Другие эскадрильи взлетали с площадок у Масевичей, у Дубично и у Лешницы. Их пролет от Бродятина не просматривался.

Серпилин знал, что время взлета и выхода на плацдарм у Боброва рассчитано по секундам. Штурмовики должны были пройти вдоль плацдарма от Прилук до Знаменки и вывалить на немцев весь свой груз – всего 16 тонн бомб и реактивных снарядов. Заместитель Боброва, присутствующий на КП пояснил, что обратным ходом штурмовики должны проштурмовать из пулеметов западный берег Буга, где на подступах к переправам скопилось большое количество автомобилей и живой силы. Через три минуты после прохождения штурмовиков послышался отдаленный грохот – разрывы пятидесятикилограммовых бомб были слышны даже на КП дивизии.

Серпилин приказал присутствующему заместителю комкора по артиллерии открыть огонь. Спустя две минуты донесся раскатистый артиллерийский залп. Стоящие в лесу в 5 км от КП вблизи деревни Медно дивизионные гаубицы вступили в бой. Спустя 3 минуты над КП прошли обратно штурмовики, вроде бы в полном составе.

Четыре полнокровных артиллерийских полка приступили к боевой работе. 72 дивизионные трехдюймовки выпускали по 15 шестикилограммовых снарядов в минуту, 96 дивизионных гаубиц калибра 122 мм выбрасывали в минуту по 6 22-килограммовых снарядов, 24 корпусных гаубицы калибра 152 мм выдавали по 4 40-килограммовых снаряда в минуту, 60 тяжелых 120-мм минометов – по 15 16-килограммовых мин. И все это «богатство» градом сыпалось на головы немцам. Причем стрельба велась не по площадям, а по конкретным скоплениям танков, грузовиков и артиллерии, указанных корректировщиками. Артиллерийская канонада не прекращалась 20 минут. Всего артиллеристы должны были выпустить по немцам 520 тонн снарядов и мин.

Загнанные на большую высоту немецкие самолеты-разведчики не смогли обнаружить расположение батарей. Тем не менее, немецкая артиллерия открыла ожесточенный огонь наобум по опушкам лесов, пытаясь подавить наши батареи, впрочем, без особого успеха. К концу артобстрела появились в большом количестве немецкие пикировщики, горячо встреченные зенитчиками, и вывалили бомбы на леса без всякого адреса.

Убедившись, что артиллерийские командиры, присутствующие на КП, взялись за организацию отвода батарей с огневых позиций, командарм попрощался со штабными командирами и в 12-40 отбыл на армейский КП. Операция «прием гостей № 1» завершилась, как и задумывалось. Наблюдатели в болотах взялись за подсчет причиненных противнику потерь.

По дороге командарм завернул на КП Коротеева у Малориты. Он хотел оценить работу штаба корпуса в боевой обстановке, ведь корпус был свежеразвернутым, и большинство штабных командиров были призваны из запаса. Поздоровавшись с Коротеевым и его заместителями, Серпилин сразу прошел в блиндаж оперативного отдела. На большой, разложенной на столе, карте была нанесена оперативная обстановка. К удовольствию командарма, нанесенная обстановка соответствовала такой же карте, оставшейся на КП 61-й дивизии. Штаб корпуса успевал дешифровать поступающие донесения, и наносить на карту последние изменения обстановки. Вся полоса вдоль реки Буг уже приобрела синий цвет немцев. Держались только опорный пункт у Знаменки и форты «5» и «3». Само собой, держалась крепость.

Коротеев доложил, что все идет по плану. Все лесные дороги, ведущие от границы вглубь нашей территории, полностью перекрыты заминированными засеками. А других дорог в полосе корпуса почти нет, за исключением дорог, проходящих под боком у крепости. А эти дороги надежно простреливаются артиллерией и минометами из крепости.

Немцы попытались таранить лесные засеки тяжелыми танками. Машины, естественно, подорвались. Теперь немцы пытаются разминировать завалы. Наши снайперы, размещенные, по опыту финской войны, на деревьях, отстреливают саперов.

Многие гарнизоны опорных пунктов и специально направленные разведгруппы успели захватить пленных. Результаты допросов пленных уже были видны на карте. На синей полосе стояли многочисленные обозначения частей и соединений. Против дивизии Миронова действуют 2 танковых, одна моторизованная, одна кавалерийская и одна пехотная дивизия. Все они входят в 24 моторизованный корпус немцев. На правом фланге между Прилуками и Брестом против 117-й дивизии Тимакова действует 34 пехотная дивизия. Непосредственно Брест атакует 45 пехотная дивизия. Обе дивизии входят в 12 армейский корпус. Все отмеченные соединения противника входят во 2 танковую группу.

Серпилин приказал Коротееву обеспечить отход в тыл гарнизона опорного пункта у Знаменки. Гарнизон свою задачу полностью выполнил.

– Всех, кто выйдет, представьте к наградам по максимуму. Форты крепости пусть пока держатся. – С этим командарм отбыл в штаб армии.

По дороге, в густом заболоченном лесу перед местечком Черняны передовая бронемашина подорвалась на mine. Автоколонна сразу же была обстреляна из леса пулеметчиками и забросана гранатами. Ответным огнем нападавшие были рассеяны. На месте нападения обнаружены шесть трупов в красноармейской форме и с поддельными документами. Пленных взять не удалось, так как противник быстро отступил в болото, унося с собой раненых. Павлу Федоровичу пришлось вспомнить молодость и пострелять из автомата, укрывшись в кювете. Потеряли одну бронемашину, один грузовик, шестерых убитыми и девять человек ранеными.

Надо будет издать приказ о минимальном штате охраны при передвижениях старшего комсостава, – сделал себе зарубку на память командарм.

К 14-20 Серпилин прибыл на свой КП. Выслушав краткий доклад Дерюгина, пошел победать. С ночи маковой росинки во рту не держал. Перекусив, сразу пошел в блиндаж оперативного отдела. Его интересовало положение на правом фланге армии. Начальник оперативного отдела подполковник Медведев подробно доложил обстановку.

Характер местности севернее Бреста принципиально отличался от той, что располагалась в полосе корпуса Коротеева. Если у Коротеева практически вся местность была покрыта лесами и болотами, то южнее почти вся местность была танкодоступной. Исключение составляли крупный лесной массив между Семятыче и Высокое, а также несколько заболоченных участков в поймах Западного Буга и довольно крупной реки Лесной, протекавшей восточнее.

Поэтому, оборона 61 стрелкового корпуса была построена из максимально возможного количества малых опорных пунктов уровня взвод – полурота. Прикрывались все мосты даже через малые речки, все более-менее крупные населенные пункты и все перекрестки дорог с твердым покрытием.

Что интересно, река Лесная и ее притоки текли навстречу Западному Бугу, то есть с северо-запада на юг. В 10 км севернее Бреста Лесная образовывала обширную излучину, обращенную выпуклостью на восток, затем круто поворачивала на запад и впадала в Буг. Немецкие войска, форсировавшие З. Буг севернее Бреста, неминуемо попадали в «мешок», образованный излучиной Лесной. Южная сторона «мешка» надежно защищалась внешними фортами «1», «Б» и «В», располагавшимися за рекой Лесная. Севернее излучины западный берег Лесной был сильно заболочен и непреодолим для танков и всех видов транспортных средств. В этом месте Серпилин со штабом 61-го корпуса подготовил «ловушку №2».

К 15 часам весь восточный берег Буга севернее Бреста уже был захвачен немцами. Продолжали сражаться только опорные ротные пункты пограничников у Костарей, у Мошон, и внешние форты крепости «1» и «А».

Оперативная обстановка на правом фланге тоже прояснилась. Захваченные после первого, успешно отбитого штурма, пленные показали, что против 144 дивизии на правом фланге корпуса действовали 252, 134 и 131 пехотные дивизии 43 армейского корпуса немцев. Ближе к Бресту против нашей 110 дивизии наступали 29 моторизованная, 167 пехотная и 18 танковая дивизии 47 моторизованного корпуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.